Кр 79
Г 70

Записки заведующей Музеем А.С. Пушкина в г. Торжке

Кр 79
Г70

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ МУЗЕЙ

К 35-летию
Музея А.С. Пушкина
в г. Торжке

10 1

Записки заведующей Музеем А.С. Пушкина в г. Торжке

Ф-44201
11

Торжок
2007 г.

"...Воспоминание
безмолвно
предо мной
Свой длинный
развивает
свиток..."

Александр Сергеевич Пушкин

Посвящается И.М. Бружеставицкому,

.....

Дорогой Израиль Моисеевич!

Задумываясь над своей долгой жизнью, я поняла, что самым счастливым и радостным периодом в ней было моё пребывание в Музее А.С. Пушкина в г. Торжке в качестве заведующей в течение трёх десятков лет.

Эти годы прошли как неуловимый миг, в котором мне было сложно, трудно и очень интересно. Я училась всему, чему меня обязывала музейная Пушкиниана, для того, чтобы с достоинством и глубоким пониманием донести до посетителей образ и высокие мысли поэта. Постоянно жила в этом всеобъемлющем мире, который возвышал меня и моих коллег над буднями жизни. Нам было так хорошо во времени Пушкина, что мы не заметили даже, что в стране прошёл период "перестройки" и что мы теперь живём будто бы в демократическом обществе.

В своих записках я написала только о том, что не забылось, волновало и волнует по сей день.

Возможно, Вы спросите о том, зачем я писала их, кому это нужно. Отвечаю. Это нужно мне. Это не оставляет меня. Этими воспоминаниями я живу. И мне очень хочется, чтобы Вы и Людмила Арсеньевна знали, что в процессе моей работы в музее мне стало казаться, что музей создан для меня, я его себе присвоила, он стал "моим". Но я никогда не забывала, что он - ваше творение: у него яркая, запоминающаяся жизнь, он привлёк к себе внимание многих умных и благородных людей, с которыми нам было интересно жить и работать во благо его развития и процветания.

Выражаю глубокую благодарность генеральному директору Тверского государственного объединённого музея Черных Татьяне Владимировне и научному сотруднику этого музея Казарской Людмиле Арсеньевне за финансовую помощь и научные консультации при издании моих "Записок", а также Лобановой Ольге Васильевне, заведующей отделом учёта Всероссийского историко-этнографического музея, за компьютерный набор, и Вареца Вере Ивановне, инженеру-программисту, за вёрстку и художественное оформление "Записок".

Таисия Горох

МУ «Торжокские [illegible]»
Тверской обл.

Автор Горох Т.В.

"...Вот с этим я и пришла в Музей А.С. Пушкина"

Кто знает, может быть, то, что так ярко запомнилось мне из первых лет жизни, и привело меня в удивительный, волшебный мир, название которому - Пушкиниана.

1945 год. Мне десять лет. Книг в казачьем хуторке, где мы с родителями тогда жили, не было. Первые книги, которые мы, дети, увидели, - это учебники, по одному на весь класс. Относились к ним, конечно же, благоговейно.

Нашими соседями стала украинская семья, переселившаяся на Кубань. Меня пригласили в дом и показали три книги. Их достали со дна большого и глубокого сундука. Я и теперь помню, как они выглядели. Это были тяжёлые толстые тома - издания сочинений Т.Г. Шевченко, М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина. Их поочерёдно дали мне почитать. Для меня тогда более или менее понятными оказались содержание "Наймички" Шевченко, "Мцыри" Лермонтова и "Арапа Петра Великого" Пушкина.

Что поразило тогда моё воображение? Я удивилась тому, что на свете есть книги кроме учебников, что есть язык, совершенно отличный от того, на котором мы говорили.

Самым увлекательным и впечатляющим оказалось чтение "Арапа Петра Великого". Мне представился мир совершенно незнакомый, таинственный и волшебный, в который так хотелось войти, чтобы понять его и, как в сказке, остаться в нём.

Этот налёт таинственности и магической притягательности на всём творческом наследии А.С. Пушкина живёт во мне и теперь.

Я понимаю, почему такое же сильное впечатление произвёл на меня роман Л.Н. Толстого "Война и мир". Я тогда училась в пятом классе, для меня были интересны те места в романе, где рассказывалось не о "войне", а о "мире". Время, в котором жили самые интересные молодые герои из семьи Ростовых, манило меня, потому что оно было временем Пушкина.

В школе на переводных и выпускном экзаменах я всегда выбирала пушкинские темы. Но уроки литературы не развили во мне интереса ни к жизни, ни к произведениям Пушкина. Тогда меня больше всего волновали книги, которые мы должны были прочесть летом. Нравились они мне потому, что я имела возможность мыслить и чувствовать по-своему, не оглядываясь на то, что написано в учебниках литературы. Любовь к книге меня поглощала.

Уже в студенческие годы меня больше всего интересовали мемуары, дневники, воспоминания, переписка. Куда бы ни заносила меня судьба как студентку, молодого специалиста, жену военнослужащего, во всех библиотеках нашей страны, и не только нашей, я обязательно перечитывала весь отдел мемуарной литературы. Она и привела меня к Пушкину по-настоящему.

Так, в библиотеке одной из школ города Кизыл-Арвата Туркменской ССР я нашла сборник научных трудов о Пушкине. Бегло просматривая его, я узнала о том, что после смерти поэта у него остались долги. Я не стала внимательно вчитываться в эти материалы - я была напугана тем, что имя Пушкина, бывшее для меня чем-то высоким, неземным, соединено с долгами. Тогда меня могло бы удивить и то, что Пушкин был женат и у него были дети. Так малы были мои знания о поэте.

В одной из библиотек Северной группы войск я нашла двухтомник "Пушкин

в воспоминаниях современников". Среди авторов была и Анна Петровна Керн. Один из офицеров, прибывший к месту службы в польский город Жагань, записываясь в библиотеку, где я работала, на вопрос, откуда он прибыл, ответил: "Из города Торжка, где похоронена Анна Керн". Для меня она уже стала той женщиной, которая так интересно рассказала об истории своего знакомства с А.С. Пушкиным. Кто она? Почему похоронена под Торжком? Мне так хотелось найти ответы на эти вопросы.

Моего мужа перевели в Союз (так мы тогда называли своё отечество). В центре Московского военного округа нам предложили несколько мест, где бы он мог служить. Одним из предложенных мест был Торжок. Я сказала: "Едем в Торжок". Муж не возражал. Надо отдать ему должное, он всегда понимал меня и не чинил никаких препятствий, когда я бурно увлеклась изучением истории Торжка и её пушкинских страниц, а затем тверской и мировой Пушкинианой. А интерес к личности А.С. Пушкина, любовь к его творческому наследию - это не просто состояние души, это огромная работа, которая отвлекала меня от дома, от семьи.

В Торжок мы приехали осенью 1971 года. Знакомство с ним началось с военного городка на Красноармейской улице, где нас временно поселили. Автобус, на котором мы ехали к Ильинской площади, шёл мимо здания клуба железнодорожников имени Парижской коммуны. (Позже я узнала, что горожане этот клуб называли коротко "Парижка"). И тягостное впечатление, которое произвёл на нас город своей неухоженностью и осенней слякотью, совершенно сгладилось, когда я прочла на мемориальной доске текст о том, что проездом через Торжок в этом доме останавливался А.С. Пушкин. Позже я узнала, что здесь была гостиница Пожарских.

С этим зданием связала свою судьбу и я. Узнав о том, что после капитального ремонта в клуб будет набран новый штат сотрудников, я написала заявление о приёме на работу в качестве заведующей детским сектором. Время моей работы в клубе с декабря 1971 по 6 сентября 1976 было приятным в том отношении, что после ремонта здание и территория вокруг него выглядели достойно. Наружная отделка, декор, окраска стен, подбор занавесей, штор согласовывались с московским художником Юрием Леонидовичем Керцелли. Паркетные полы украшали библиотеку, актовый зал, кабинеты сотрудников, кинозал, везде была новая мебель. Мне также приятно было знать о том, что все службы станции Торжок, в том числе и работа клуба, подчинялись управлению Октябрьской железной дороги в Ленинграде. Я ездила на семинары работников культуры в Ленинград, где и завязались мои первые знакомства, в основе которых лежал интерес к личности Пушкина, к его наследию.

Татьяна Александровна Козырева, будучи сотрудником Центрального дома железнодорожников, вела семинар заведующих детскими секторами всех клубов Октябрьской железной дороги. Сколько интересных мыслей, дел, программ было представлено на этом семинаре во время обмена опытом! Но из всех выступавших Татьяна Александровна нашла живинку в моей работе - в клубе работали пушкинский музыкальный салон и кружок юных пушкинистов, кроме других занятий с детьми.

Татьяна Александровна - театрал, книголюб, её интересовала литература о Пушкине. Мы стали обмениваться интересующими нас материалами. Позже я с радостью принимала участников её семинара в Торжке, в музее. А она помогала мне и моим друзьям устроиться в ленинградских гостиницах во время частых приездов в "её город поэта" и попасть в святое святых отечественной и мировой Пушкинианы - Пушкинский дом.

Общий интерес к Пушкину и к рус-

ской культуре, чувства благодарности и взаимной симпатии связывают нас и по сей день, хотя столько перемен произошло в нашем социальном состоянии - мы стали вдовами, бабушками, пенсионерками. Но души наши не замутнены ничем, и мы всё так же искренне открыты и рады друг другу!

Итак, я начала работать в клубе железнодорожников имени Парижской коммуны. В первые дни в него завозилась мебель, распределялись комнаты, залы для всевозможной клубной деятельности. Нас всех привели в библиотеку клуба к юному библиотекарю Татьяне Ивановне Иошиной. Ей нужно было помочь расставить книги на новые стеллажи и заодно, по приказу из Ленинграда, отобрать литературу, которая считалась устаревшей. Мы отобрали массу изданий, вышедших в свет в конце XIX - начале XX веков. Среди них были произведения классиков русской литературы и литературные мемуары.

Я обратила внимание на книгу В.В. Вересаева "Пушкин в жизни", изданную, вероятно, к одному из юбилеев, к 1937 или 1949 годам. Это был второй том двухтомника, изношенный, без первых страниц и выходных данных. Книга с первого мгновения увлекла меня. Я открывала для себя Пушкина как реального человека. Всё поражало меня, удивляло, а иногда разочаровывало то, что касалось повседневной жизни поэта. Но преддуэльная история, сама смерть Пушкина показали мне в полной мере всё его величие. Рассказы очевидцев, знакомых, друзей о последних днях и минутах его жизни потрясли меня до слёз. Я окончательно была взята в плен именем Пушкина и всем, что с ним связано.

Эту книгу я оставила себе. Это было возможно, потому что два воза устаревшей литературы были увезены на лошади в сторону железнодорожной бани. Книги лежали в телеге открыто. Очевидцы рассказывали, что когда их везли, прохожие могли брать то, что им казалось интересным.

Энциклопедия издания Брокгауза и Ефрона тоже подлежала списанию, но Татьяна Ивановна не отдала её на вывоз, а отнесла в сарай. Позже, когда я стала заведующей музеем А.С. Пушкина, Татьяна Ивановна передала её музею. Недостающие тома были получены из такой же старой, как и профсоюзная библиотека железнодорожников, библиотеки вагоностроительного завода. Их передала мне Валентина Алексеевна Ершова. Я благодарна этим женщинам, которые, несмотря на строгое предписание о чистке библиотечного фонда, сохранили тома энциклопедии. В библиотеке нашего музея энциклопедия издания Брокгауза и Ефрона - это то, что даёт информацию по разным вопросам мировой истории и культуры, от её истоков по XIX век включительно.

В том далёком 1972 году я не расставалась с книгой Вересаева, в которой находила отдельные эпизоды из жизни Пушкина, рассказанные его современниками. Многое мне тогда казалось странным, я не могла понять мотивы его поведения, его мысли. Теперь я могу объяснить это: я не знала, что Пушкин, принадлежавший к замкнутому дворянскому сословию, в котором сложились свои устои, обычаи, нравы, должен был жить и в свете, и дома по определённым законам и правилам. Кстати, энциклопедия, наряду с другими изданиями, которыми мы также гордимся, дала нам представление о законах жизни всей многосословной России.

Жизнь Пушкина меня сильно занимала, и я охотно рассказывала о ней сотрудникам клуба, которые вместе со мной готовили помещение к работе. Мои рассказы скрашивали утомительные занятия, когда мы что-то мыли, убирали, переносили, устанавливали, развешивали. Так продолжалось моё знакомство с Пушкиным и начиналось знакомство с людьми, с которыми мне было интересно жить и работать в течение пяти лет.

Я получила замечательную комнату на втором этаже - светлую, с высоким потолком. Она стала кабинетом заведующей детским сектором. Здесь я планировала свою работу, писала сценарии, беседовала с детьми, а для занятий с ними я использовала все возможности клуба: библиотеку, кинозал, актовый зал, а также фойе на втором этаже, украшенное колоннами и высокими окнами, с выходами на два балкона.

Рядом с моей комнатой располагалась точно такая же комната, уютная, с окнами, в сторону тенистого липового парка. В ней предполагалось открыть музыкальную пушкинскую гостиную. Над её оформлением трудились московские художники. Идея открытия такого салона принадлежала, видимо, Юрию Леонидовичу Керцелли, который часто бывал в нашем городе в связи с созданием музея путешествий А.С. Пушкина.

Клуб начал свою жизнедеятельность: открылась библиотека, стали демонстрироваться фильмы, стали работать кружки. Молодые музыканты города создали вокально-инструментальный ансамбль. Клуб был популярен среди жителей, хотя уже был построен и работал Дом культуры.

Я видела, что комната рядом с моим кабинетом была не востребована, в ней в дни репетиций и танцевальных вечеров переодевались музыканты и находились их девушки. Я решила познакомиться с оформлением этой комнаты, в которую нас, сотрудников, никто не приглашал и не рассказывал о её предназначении. А должна была это сделать завсдующая клубом Зинаида Николаевна Макарова.

Что же я увидела? Комната с двумя высокими окнами в сад была окрашена в синий цвет, спокойный, умиротворяющий. В простенке между окнами был установлен бюст Пушкина. Вдоль стен - щиты того же синего цвета. На них - портреты современников Пушкина, с которыми его соединял мир музыки, - композиторы, музыканты, певцы. Обращало на себя внимание размещение и искусство оформления портретов. Во всём: в изготовлении копий портретов, паспарту, монтировке их под стекло - отмечались тонкость, красота, изящество. На свободных стенах развешены живописные работы: портрет А.С. Пушкина (копия с работы О.А. Кипренского) и картина "Пушкин и Мицкевич на набережной Невы", написанная художником Шитарёвым, родственником ныне покойной жительницы нашего города Галины Алексеевны Климовской - автора глиняной игрушки, искусствоведа и краеведа. Вдоль стен расставлены новые стулья с мягкими спинками, проигрыватель, пианино. Не понравился мне только паркетный пол, покрашенный тёмной морилкой и густо покрытый мастикой. С пола я и начала свою работу в музыкальном салоне. Никто меня об этом не просил. Я очистила паркет от морилки, довела его до светлого состояния, натёрла до блеска мастикой. Добилась от заведующей, чтобы музыканты не использовали салон как раздевалку. Затем внимательно изучила содержание этикеток под портретами и поняла, что в салоне раскрыта тема "Пушкин и музыка". К тому времени в мои руки попала книга А. Гессена "Жизнь поэта". В ней-то я и нашла материал о музыкальном окружении поэта и отдала должное автору книги, который увлёк меня ярким и художественным рассказом о Пушкине.

Я занималась с детьми микрорайона как заведующая детским сектором. Какой была моя аудитория? Летом я занималась с детьми железнодорожников на детской площадке в их городке. А в течение учебного года - с учениками средней школы № 3, где учились мои дети. Все учащиеся восьмилетней школы № 1 во время их классных часов были в моём распоряжении (школа находилась рядом с клубом, и у неё не было помещения для внеклассной работы). Для старшеклассников средней школы № 1, которая тогда располагалась в здании Пу-

тевого дворца, проводились тематические вечера. Работа с детьми была разнообразной по форме и содержанию, но более всего меня влекла пушкинская тема, к ней я относилась бережно, вдумчиво и серьёзно. Я сама училась понимать Пушкина, его мысли, чувства и учила этому детей. При встречах с моими бывшими юными пушкинистами - Мариной Хатиной, Мариной Инчевской и Жанной Балашовой, которые стали милыми взрослыми дамами, мамами, я сказала им о том, что, вспоминая наши занятия, испытываю неловкость от того, что они, совсем юные, так много трудились, чтобы осмыслить каждое пушкинское слово и умело донести до аудитории. И неожиданно услышала такой приятный для меня ответ: "Мы всё это помним, и мы гордимся тем, что Вы доверяли нам такие серьёзные вещи".

Я понимала, что само здание гостиницы Пожарских как памятное пушкинское место Торжка обязывало вести пропаганду наследия поэта, и занялась этим. Когда текст по теме "Пушкин и музыка" был готов, я подобрала записи музыкальных произведений, о которых шла речь. Проигрыватель работал прекрасно. О подготовке литературно-музыкальной композиции я рассказывала сотрудникам. С большим интересом меня слушали киномеханик, контролёр, уборщицы, сторож, руководители кружков, заведующая клубом З.Н. Макарова.

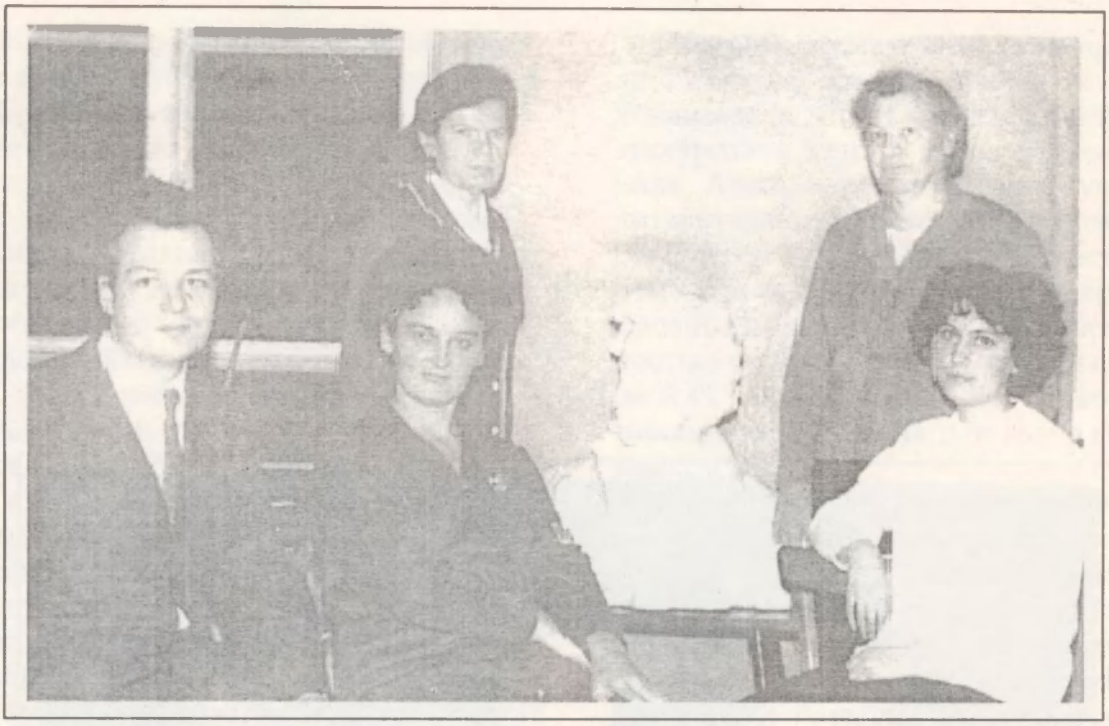
Не случайно я уделяла много внимания пушкинскому музыкальному салону. Постоянное углублённое изучение этой темы, подготовка новых вариантов экскурсии по выставке этого салона (для одиночных посетителей, для детей, к экскурсии по выставке как части городской экскурсии по пушкинским местам) окончательно привели меня в мир Пушкинианы. Мне было так интересно в этом мире, что казалось просто несправедливым то, что в нём я буду одна. Мне захотелось подарить этот мир и другим.

Первыми слушателями, конечно, стали те классы средней школы № 3, где учились мои дети. Пожелала прийти на экскурсию в клуб со своим классом Галина Александровна Белова, учитель литературы этой школы. Я запомнила её. В своей статье в местной газете она отметила мою работу, моё искреннее желание поделиться с детьми своей радостью общения с творческим наследием А.С. Пушкина. Это было первое упоминание моего имени в прессе в связи с именем поэта.

В процессе приобретения новой литературы о Пушкине я встретила свою тему, разработанную специалистами: музыкантами, искусствоведами. Подготовила такой текст, с которым можно было выступать вне салона, а музыкальные записи заменила звучанием живых голосов и инструментов. В этом мне помогли педагоги детской музыкальной школы: Любовь Закурина, Ирина Богдан, Марина Зеленова и другие. С ними мы сделали ряд показательных выступлений и вечеров в клубе, где был салон, в гостиной комнате музея А.С. Пушкина и в доме культуры Опытно-производственного хозяйства Всесоюзного научно-исследовательского института льна (ВНИИ льна). Были бесконечные выступления в сельских школах, на фермах, в санатории "Митино", в службах станции Торжок и других местах. После таких выступлений приятно было видеть, что тебя запомнили, узнают и улыбаются люди в городе, тогда ещё мне не совсем знакомом.

У меня уже составилась значительная библиотека из книг о Пушкине, и мои знания о нём вышли далеко за пределы темы музыкального салона. Вот с этим багажом я и пришла в музей А.С. Пушкина.

Горох Виктор Алексеевич и Горох Таисия Владимировна
с сыном Алёшей.
Фото 1964 г.



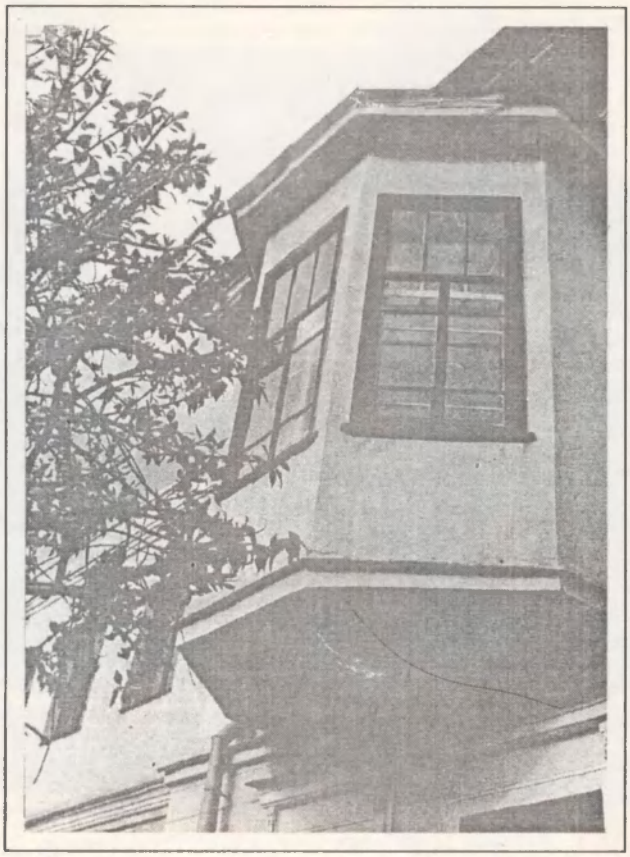
У бюста А.С. Пушкина в музыкальном салоне клуба железнодорожников. Слева направо: в первом ряду Иошин М.П., Горох Т.В., Иошина Т.И. Фото 30 декабря 1972 г.

Сотрудники клуба железнодорожников им. Парижской коммуны. Слева направо: 1-й ряд: Н.И. Потапов - руководитель духового оркестра, М.Н. Масалович - руководитель кружка кройки и шитья, Т.П. Тихомирова - киномеханик. 2-й ряд: К. Чудновский, Б. Матвеев, В. Чувашов - музыканты. 3-й ряд: Т.И. Иошина - зав. библиотекой, Т.В. Горох - зав. детским сектором, З.Н. Макарова - зав. клубом железнодорожников. Фото 20 декабря 1970 г.

Заведующая детским сектором клуба железнодорожников Т.В. Горох с детьми микрорайона.
Фото 1972 г.

Т.В. Горох с детьми железнодорожников.
Фото 1972 г.
Фотографии Рыбакова А.П.

Клуб имени Парижской коммуны (в Пушкинский день).
Фото 3 июня 1972 г.



Эркер с правой стороны здания
клуба железнодорожников
им. Парижской коммуны.

"...Я смеюсь над творческими трудностями,
плачу от трудностей организационно-хозяйственных..."

А музей меня принял неласково. Маргарита Александровна Кромина предложила мне стать заведующей вместо неё.

"Иди в музей, - сказал мне муж, - там хоть слёзы будешь лить по делу, а не так, как в "Парижке", по пустякам.

6 сентября 1976 года в здании горкома КПСС, где теперь располагается администрация города, в присутствии заведующей отделом пропаганды Альбины Николаевны Мурашовой, я была представлена директору Калининского государственного краеведческого музея Израилю Моисеевичу Бружеставицкому. Выслушав то, что обо мне говорили М.А. Кромина и А.Н. Мурашова, он спросил: "Почему вы идёте на эту должность? Уверены ли вы в том, что справитесь с этой работой?" Я ответила: "У меня есть 70 книг о Пушкине". - "Мне нужна хозяйка дома, а пушкинистов и теперь достаточно", - ответил он.

Мне действительно нечего было сказать в свою пользу, кроме как о книгах. Музеи, кстати, тоже меня никогда не интересовали, за исключением "моего", в котором я теперь работаю. Я посетила его в 1972 году. И хотя он занимал только часть здания вечерне-сменной школы на улице Дзержинского, 71, выставка "Пушкин и Торжок" помнится мне и теперь. В ней умело была воссоздана атмосфера времени Пушкина, которая всегда меня притягивала и волновала.

Узнав о том, что я жена военного, Израиль Моисеевич совсем потерял ко мне интерес. Он настойчиво уговаривал Маргариту Александровну не оставлять музей. В мою сторону он смотрел строго, недоброжелательно. Я чувствовала себя самозванкой. Маргарита Александровна сказала: "Надо брать Таисию Владимировну, у неё есть домашний телефон". Это был единственный довод в мою пользу. Заведующая музеем должна быть доступна руководству музея в течение суток. Я это поняла позднее. А телефоны тогда были редкостью.

На следующий день в г. Калининс, куда мы приехали с Маргаритой Александровной, Израиль Моиссевич и Людмила Арсеньевна Казарская, автор музейной экспозиции в Торжке, дружно уговаривали Маргариту Александровну остаться в музее, хотя моё заявление о приёме на работу уже лежало на столе директора.

Помню, что, увидев меня, зам. директора по хозяйственной работе Нина Григорьевна Павлова сказала: "Приятная женщина. Жаль мне её, она у нас не задержится, Кромина вернётся в музей в третий раз, вот увидите". И вот это тёплое слово, хотя бы относительно моей внешности, так поддержало меня, что, взбунтовавшись изнутри, я сказала себе: "А я буду работать, я смогу работать!".

Смогу! А что это означает, стать "хозяйкой" дома, я поняла позднее. В доме должно быть чисто, сухо, тепло. Территория музея, парк, сам дом всегда должны выглядеть прилично. Всё должно быть под защитой.

В музее должно быть тепло. А он отапливался автономной котельной, в которой работали любители крепко выпить. Надо было круглосуточно следить за ними и за подпиткой системы водой. Казалось бы, подсоединение музея к

центральной отопительной системе снимет все проблемы. Но они были сняты лишь через несколько лет. Наша нескладная система нормально стала работать тогда, когда я, уже потеряв и силы, и веру, обратилась за помощью к директору машиностроительного завода Валентину Ивановичу Балашову. Он ознакомился с положением дел, прислал, а затем прикрепил к музею сантехника. Я ожила - отопление удалось наладить.

В.И. Балашова я считаю настоящим мужчиной, рыцарем, джентльменом. Он не только понял моё горе и беспомощность, но и дал нашему дому тепло, обогрел и наши души. А отблагодарить его мы могли только тем, что всегда с удовольствием принимали гостей завода в музее как своих самых дорогих гостей.

Такие же услуги мы оказывали главному инженеру вагоностроительного завода Виктору Ивановичу Петрову. Мы благодарны ему за то, что на его заводе были спроектированы и изготовлены металлические оконные и дверные решётки. Установить их было необходимо, так как музей уже привлёк к себе внимание криминальных элементов. Были попытки кражи, и одна из них произошла. Это случилось в начале моей работы, и для меня это была трагедия, боль, стыд, как будто сама украла. Тогда я поняла по-настоящему главную миссию музея - хранить памятники истории и культуры как национальное достояние государства.

Чтобы закончить разговор о хозяйственных трудностях, расскажу только о двух эпизодах из множества ситуаций, когда нужно было совершать, скажем так, "подвиги".

Прежде всего, из-за сбоев в работе отопительной системы: она несколько раз замерзала, "оживить" её в зимние морозы - означало отдать часть своего здоровья. Сантехника не было, электрика тоже не было. Музей - как филиал Калининского государственного краеведческого музея в Торжке - никем и ничем не обслуживался. Мне пришлось познакомиться с сантехниками ближайших котельных, они приходили мне на помощь и днём, и ночью. Нужны были и сварщики, а если система замерзала, то и самой, вместе с только что принятым на работу электриком Вячеславом Витальевичем Морозовым, приходилось отогревать её от начала входа в музей и до конца с помощью горячей воды или паяльной лампы. Это было мучительно трудно.

Зима 1978 года была очень холодной. В залах музея температура снижалась до + 1 градуса. Чтобы не допустить замерзания системы, тогда ещё несовершенной, я решила оставаться на ночь в музее. Так было две недели. В музее прошла и новогодняя ночь. Мне жаль было свою семью, которой я испортила праздник, жаль себя, потому что дежурила я одна, бессменно, а ночью в музее было страшно. Казалось, что здесь есть ещё чья-то ночная жизнь: что-то двигалось, звучало, шуршало, дышало.

В начале 1979 года в музей приехала Л.А. Казарская. Она увидела меня после ночного дежурства. Я была в пальто, в валенках, в мужской шапке-ушанке. Шапку я не снимала. Она всё время говорила мне: "Снимите шапку". Я отказывалась, потому что не было никакой причёски. Тогда она сама сняла с меня шапку и увидела, что седых волос у меня значительно прибавилось. Она доложила директору о моём "подвиге", и он сразу же ввёл в штат музея и сантехника, и дежурных по котельной, где нужно было следить за работой насосов, усиливающих циркуляцию горячей воды в системе. После этого случая я заметила, что отношение ко мне Израиля Моисеевича переменилось в лучшую сторону Возможно, мне только показалось.

Другой случай характеризует нравственную сторону отношений с людьми В боевых частях и гарнизонах, где мы с мужем жили долгие годы, я привыкла к тому, что многие нужные и полезные дела выполнялись на общественных нача

У здания музея со стороны парка.
Слева направо: Русакова Г.В. - экскурсовод музея А.С. Пушкина, Татаринов А.В.- зам. директора по научной работе Всероссийского историко-этнографического музея, Светличная Л.Н. - младший научный сотрудник Музея А.С. Пушкина.

Научный сотрудник музея Рыжикова Т.Е. с писательской делегацией в саду Музея А.С. Пушкина. Слева направо: Е. Храмов, Николаев (Таллин), А. Дементьев, Т.В. Рыжикова, Н. Злотников. Впереди - Крючкова Г. ("Литературная газета"), А.С. Пьянов.

лах, я и сама вела такую работу. А в Торжке я увидела совсем другое. Даже свою работу не хотели исполнять, её нужно было продвигать "бутылкой", я никак не желала с этим примириться.

Когда наш музей подсоединяли к центральной отопительной системе, начальник "Калининграждanстроя" Фролов выполнил всё, что касалось прокладки труб. Соединение этих труб с системой музея должен был произвести его субподрядчик. Исполнение этой работы он тянул от конца весны до начала осени, когда открывался отопительный сезон. Я не сразу поняла, что дело в "бутылке". А когда поняла, то и не собиралась её покупать из своих 90 рублей, которые получала как заведующая. Когда мы измучили друг-друга из-за этого "пол-литра" и ему пришлось закончить работу (кстати, сварщику понадобилось для этого всего два часа), я на радостях побежала за водкой, нашла и огурец на закуску. Принесла всё это в котельную и пригласила его к столу. К моему великому удивлению, он отказался пить: "Мне так неловко перед Вами. Пить я не буду, отдайте это сварщику".

Вот так: я забыла имя и отчество Фролова, главного исполнителя работ, но до сих пор помню имя и отчество моего мучителя, над которым я одержала такую "победу". Позже я никому никогда не покупала спиртное, и многое делалось бесплатно из уважения ко мне, то есть, из уважения к имени Пушкина, которому служила искренне.

Когда дом, о физической жизни которого я так много рассказываю, получил и тепло, и свет, и надёжную охрану, а территория парка стала выглядеть живописно и достойно, я поняла, что музей - это мой Дом. С трудностями хозяйственного плана я справлялась не в одиночку. Мои волнения и тревоги понимали супруги Березины. Мария Михайловна числилась у меня уборщицей, но делала всё, чтобы помочь музею. Она могла заменить в котельной кочегара - пьяницу, могла регулировать давление в котлах, спускать воздушные пробки в батареях. Она могла отчитать соседей, которые выносили мусор к музею, и они долго об этом помнили. Она, не надеясь на милицию, поймала пьяного хулигана, разбившего все стёкла в музее со стороны улицы и разобралась с ним так, что он быстро возместил ущерб и застеклил окна. А Василий Захарович Березин был хорошим хозяином в парке музея. Его уже нет в живых. С Марией Михайловной мы и теперь как родные, хотя она давно у нас не работает.

Нет теперь с нами сантехника Сергея Николаевича Мальханова. Он живёт в Твери. Придя в музей, он основательно отрегулировал отопительную систему, мы на долгие годы забыли о том, что она есть и может создать какие-то проблемы. О нём я тоже вспоминаю с благодарностью.

Вот так запомнились мне первые сотрудники музея, которые вместе со мной делали всё, чтобы состояние дома и парка соответствовали высокому и прекрасному настрою пушкинской экспозиции.

"...Но оказалось, что самое трудное - принимать в музее людей..."

Как ни трудны были для меня хозяйственные заботы, я уже в первые дни пребывания в музее пыталась понять содержание его экспозиции. Она была открыта к 175-летию со дня рождения А.С. Пушкина. В том далёком

1974 году все мы, связанные с пропагандой творческого наследия Пушкина в Торжке, были приглашены в музей, в залах которого готовилась к открытию выставка "Пушкин и Тверской край". Принимали нас заведующая музеем Алевтина Ивановна Гусева и научный сотрудник Татьяна Евгеньевна Рыжикова. Тогда я впервые познакомилась с А.И. Гусевой, второй (после М.А. Кроминой) заведующей музеем. Заведование музеем её было коротким. Она приняла музей, экспозиция которого, в отличие от первой, была развёрнута во всём здании. Но пожарная служба запретила открывать музей для посетителей: стены и потолки следовало покрыть сухой штукатуркой. Экспозиция была свёрнута, начался новый ремонт, а затем воссоздание экспозиции. Её-то мы и пришли посмотреть.

Вскоре Алевтина Ивановна перешла на другую работу. В музей вернулась М.А. Кромина, которая и передала его мне в сентябре 1976 года.

Итак, выставка "Пушкин и Тверской край", в которой уже ясно прослеживалась тема дорог Пушкина, была принята мною спустя 2 года после её открытия. Она была такой же новой, свежей и красивой. Маргарита Александровна, сдав по списку экспонаты музея, пригласила меня на экскурсию, которую проводила для посетителей. Экскурсия мне понравилась: у Маргариты Александровны от природы хорошо поставлен голос, слушать её было легко и приятно, изложение материала ясное, доступное, интересное.

Никаких сложностей в освоении экспозиции я не предвидела, но, придя в первый день на работу, на столе заведующей, кроме стопки книг о Пушкине, ничего не нашла. Как приступить к созданию текста экскурсии по музею, я не представляла.

Поток туристов в залах музея всё нарастал. Экскурсии вели две молодые сотрудницы - хрупкие, с красивыми длинными волосами - Людмила Васильевна Тулинова и Любовь Юрьевна Иванова. Скромные, доброжелательные, они, видя мои затруднения, рассказали мне о том, как они подготовили свои экскурсии, воспользовавшись информацией опытных экскурсоводов - Т.Е. Рыжиковой, В.Ф. Кашковой, М.А. Кроминой и ленинградских - Н.Н. Гаазе, Г.П. Фёдорова, Дмитрия Старка и других.

Людмила Васильевна вела экскурсии спокойно, уверенно, достойно. Любовь Юрьевна - смело, эмоционально, раскрепощённо. У обеих - чистая, литературная речь. "Пушкинские Татьяны", - так называли их благодарные посетители. Возможно, у них и были тексты экскурсий, но мне было неловко попросить их для ознакомления.

Кое-как,с помощью материалов Л.А. Казарской, буклета В.Ф. Кашковой и Л.В. Андреева "Пушкин и Торжок", а также газетных статей с откликами на нашу экспозицию, я составила свой текст и через месяц вошла в залы музея. Я провела группу, даже получила благодарность и всё-таки поняла, что подготовленный мною текст - это далеко не текст экскурсии. Почему я должна говорить те или иные слова, пусть даже по теме музея, у экспонатов, о которых я ничего не знаю, которые чужды мне и отторгают меня? А говорить во время экскурсии: "Такие крестьянские сцены", "такие дорожные документы", "вот так выглядели деревни и города" - мне казалось просто несолидно.

Экскурсия несколько оживлялась, когда в неё вводились пушкинские тексты, стихи. Они звучали у портретов знакомцев Пушкина, особенно А.А. Олениной, А.П.Керн, Е.П. Бакуниной, А.И. Вульф. Современниц, тверских знакомых Пушкина, было так много, и посвящённые им стихи читались так страстно и проникновенно, что у посетителей по окончании экскурсии почти всегда возникал вопрос: "Так кого же Пушкин любил больше всех?"

В залах музея мне было неуютно, я чувствовала себя непрошеной гостьей. Я мучилась в течение года, пока в музей не вернулась Т.Е. Рыжикова. Она была

первым научным сотрудником музея А.С. Пушкина в Торжке, работала вместе с М.А. Кроминой и А.И. Гусевой.

Летом 1977 года Израиль Моисеевич с радостью принял Татьяну Евгеньевну вновь. В первые же дни я смогла побывать на её экскурсии и если не до конца, то в какой-то мере разгадать секреты экскурсионной работы.

Я поняла, что в музей приходят, прежде всего, не слушать, а смотреть на редкие вещи, документы эпохи. А экскурсовод должен помочь им предстать перед посетителями теми своими сторонами и гранями, которые дадут нужную информацию по теме музея. Позже я об этом читала в пособиях по музейной и экскурсионной работе. А тогда я слушала неторопливую, лаконичную речь Татьяны Евгеньевны, завороженно следила за её указкой, которая почти не опускалась, то обращая внимание на детали экспонатов, соединяя их с пушкинской строкой, то отмечая создаваемый ими художественный образ времени Пушкина.

Откуда же Татьяна Евгеньевна знала, какой должна быть экскурсия? Она мне рассказала, что во время создания первой и второй пушкинских выставок постоянно находилась рядом с Ю.Л. Керцелли. Они много беседовали - он объяснял ей значение каждой картинки, каждого предмета в экспозиции. Если какой-либо фрагмент выставки не удавалось создать, то они вместе ходили по городу, по старым улицам, домам, отыскивая нужные для экспозиции вещи. В основе выставок была таблица проездов А.С. Пушкина через Торжок и остановок его в гостинице Пожарских, составленная В.Ф. Кашковой, и чтобы понять причины путешествий Пушкина и найти в них связи с Торжком и Тверской губернией, нужно было изучать биографию и творчество поэта. При подготовке текста экскурсии Татьяна Евгеньевна использовала и тематико-экспозиционный план, составленный старшим научным сотрудником Московского государственного музея А.С. Пушкина Светланой Тихоновной Овчинниковой.

Я впервые услышала о таком документе - научной основе построения музейной экспозиции. Но где его искать, я не знала. Позже, разбирая завалы в служебных помещениях музея, я нашла его на втором этаже, в комнате типа кладовой.

Я так благодарна Татьяне Евгеньевне за то, что она вывела меня на свет из тьмы музейной беспомощности. Теперь я знала, что мне нужно. Мне нужен был ответ на вопрос: "Если есть на Тверской земле два музея А.С. Пушкина, то они созданы не вдруг, не сразу. Как же зародилась тверская Пушкиниана, с чего она началась?" В Торжке я не могла найти ответа на этот вопрос, и, осмелев, на одном из очередных директоратов, бросила упрёк руководству: "Я работаю уже два года, трудности невероятные, а я даже всей музейной терминологии не освоила". - "Два года - это много, пора бы знать музейную терминологию", - услышала я из зала голос.

Но Израиль Моисеевич, видимо, правильно воспринял мой упрёк и заметил слёзы, которые я не могла сдержать. Он направил в Торжок Людмилу Арсеньевну, чтобы помочь нам.

Мы услышали рассказ Людмилы Арсеньевны об истории тверской Пушкинианы, о её зарождении, о том, что уже во второй половине XIX века появились труды тверских учёных о пребывании Пушкина на Тверской земле. Это сообщение было для меня очень важно. Я никогда больше не обращалась к Людмиле Арсеньевне за помощью, чтобы не беспокоить её.

Начала с изучения истоков тверской Пушкинианы. Теперь всё было кстати и по делу. Всё стекалось в копилку моих знаний и о Пушкине, и о музейном деле. Очень важны были для меня занятия на курсах экскурсоводов при экскурсионном бюро в Торжке. На лекциях Валентины Фёдоровны Кашковой я услышала о том, что изучать жизнь и творчест-

зо А.С. Пушкина вне времени, в кото-ром он жил, невозможно. Надо знать эпоху Пушкина, надо в ней жить, чтобы осмыслить творения поэта.

А как поселиться в том времени, которого не знаешь? Мне предстояла учёба не на историко-филологическом факультете университета, а в процессе работы в музее. Я входила в эпоху через каждый предмет экспозиции, и моё вхождение было радостным. Я была не одна - со мной были интересные люди, к которым я могла обращаться и днём и ночью, потому что вопросам моим не было конца и края, как, впрочем, бескрайно понятие - мировая Пушкиниана.

Ответы на эти вопросы и по сей день дают нам замечательнейшие книги А.З. Крейна, директора Государственного музея А.С. Пушкина, "Рождение музея" и "Жизнь музея". Не случайно, почти все главы моих воспоминаний, которые рассказывают о создании пушкинской экспозиции и её жизнедеятельности, начинаются со слов А.З. Крейна из этих книг.

"...Именно так, как рассказ о странствиях поэта, замышлен музей в Торжке..."

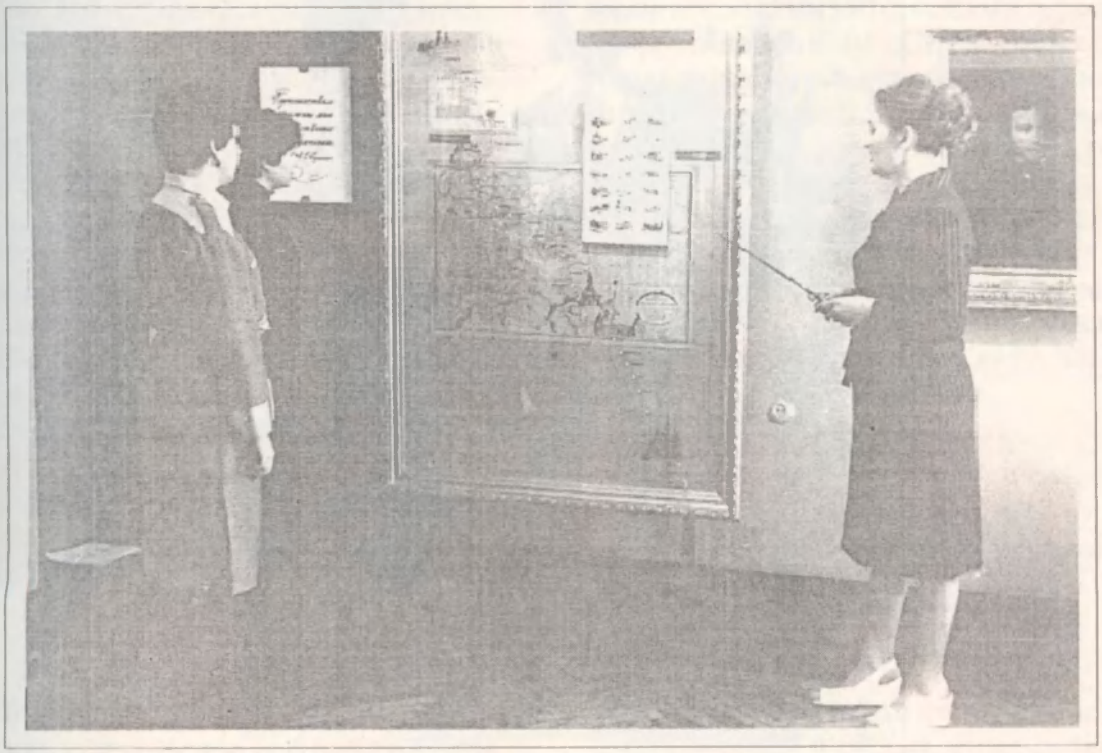
В то время, когда я поняла, какой должна быть экскурсия по музею, руководство головного музея решило создать новую экспозицию по теме "Петербургско-московский тракт в жизни и творчестве А.С. Пушкина. Пушкин и Торжок". Время, отпущенное на её построение, было коротким: декабрь 1978 - июнь 1979 гг. После ремонта Людмила Арсеньевна и Галина Макаровна Гречишкина разложили материалы в залах музея, на полу. Я видела на их лицах удовлетворение и гордость за собранный материал и возможность с его помощью раскрыть тему дорог Пушкина. Я же видела старые вещи, картины, гравюры и ничего особенного в них не находила и очень жалела о снятой выставке "Пушкин и Тверской край", которая была красивой, запоминающейся.

Потом на наших глазах стало совершаться чудо - рождение музея путешествий поэта. Под руководством художника-оформителя Анатолия Ивановича Боброва его коллеги - Лев Васильевич Фадеев, Иван Сергеевич Суриков, Геннадий Николаевич Орёликов - стали изготавливать стенды, паспарту, рамки, писать этикетки, устанавливать экспонаты, комплексы экспонатов, воссоздавать интерьеры прошлого. Сейчас, когда экспозиция физически устарела, гости музея отмечают высокое искусство её оформления и просят рассказать о художниках, назвать их имена. Я как заведующая музеем тоже старалась быть полезной. Я успевала в течение одного дня не только найти, но и оплатить, доставить нужный материал (доски, стёкла, краски, ткани, бахрому), если заказ был полу́чен мною с утра.

И хотя Людмила Арсеньевна попросила нас не мешать художникам, не отвлекать их, мы с Татьяной Евгеньевной использовали все возможности наблюдать за построением экспозиции и узнавать подробности о введённых в неё новых предметах и документах.

И самое главное, что я увидела при создании экспозиции, - это сжатый по времени, активный, высокохудожественный, одухотворённый, творческий труд. Он радовал и авторов, и нас, для кого создавался этот мир высокой мысли, добра и красоты. В нём предстояло жить и работать долгие годы.

В новой экспозиции музея.
Впереди Тулинова Л.В. - экскурсовод,
за ней Русакова Г.В. - экскурсовод.



У первого стенда экспозиции.
Слева направо: Светличная Л.Н. - экскурсовод,
Рыжикова Т.Е. - научный сотрудник.
Справа: Горох Т.В. - заведующая музеем.

Сотрудники музея: Иванова Л.Ю. - экскурсовод,
Горох Т.В. - заведующая музеем, Комарова М.Е. - кассир.
Фото 1977 г.

Фотокорреспондент ТАСС Овчинников А.И. выбирает
место для съёмки новой композиции.
1981 г.

За созданием экспозиции на всех её этапах наблюдал директор объединения музеев Израиль Моисеевич Бружеставницкий. Замечания его были важны, он находил неточности, упущения, ошибки, давал советы! И хотя о новой экспозиции говорили, что она создана на высоком уровне, он ещё долгое время приезжал в Торжок со знатоками по всем видам материалов. Предметный мир прошлого был представлен не в том объёме, как хотелось бы, поэтому нужно было точно знать, насколько тот или иной документ может быть отнесён ко времени Пушкина, насколько удачно он использован в экспозиции.

Хотя я и была по-прежнему скована в присутствии Израиля Моисеевича, но всегда старалась запомнить то, о чём он говорил с Л.А. Казарской, руководителем отдела литературных экспозиций. Он высоко ценил и уважал её за собранный материал и создание экспозиций в пушкинских музеях Торжка, Бернова и других музеев. Слышала я и его беседы с Анастасией Николаевной Александровой, его заместителем по научной работе, большим специалистом по этнографическому материалу. И самой важной была оценка новой экспозиции сотрудником отдела музееведения Министерства культуры Евстигнеевым и другими музейщиками высокого ранга. Они отметили высокое мастерство экспозиционного воплощения темы путешествий поэта. Многое из услышанного было для меня школой, открытием. Моё представление о музейной выставке обогащали и экскурсии, которые проводила Людмила Арсеньевна как её автор. Я видела глубинные мотивы создания экспозиции, секреты этого искусства.

Вскоре после открытия новой выставки, в 1980 году, научно-методическим отделом головного музея были прослушаны и приняты обзорные экскурсии младшего научного сотрудника Татьяны Евгеньевны Рыжиковой и экскурсовода Симы Садиковой. Татьяна Евгеньевна провела экскурсию для общественности города и для гостей Пушкинского праздника. До этого почти все экскурсии для гостей по музею, как и по городу, вела Валентина Фёдоровна Кашкова. На дебюте Тани настояла Людмила Арсеньевна. С этого времени мы сами обслуживали свой музей на всех уровнях.

Итак, экспозиция новая. У всех сотрудников написаны свои тексты экскурсий, без оглядки на других. Татьяна Евгеньевна составила путеводитель по музею. Казалось бы, живи и работай спокойно. Но не было в жизни музея ни одного спокойного дня. Я не говорю о бесконечном экскурсионном потоке и требованиях научно-просветительского отдела головного музея об активной работе со всеми категориями горожан и населением района. Строго с нас спрашивали работу с детскими городскими площадками, детскими домами и санаториями, профессиональными техническими училищами, с жителями села. Ежегодно, кроме научных тем, которые диктовало изучение экспозиции, мы должны были участвовать в очередных Пушкинских чтениях. Темы подсказывало время - юбилейные даты жизни и творчества А.С. Пушкина.

"...Находка нового автографа, нового документа о Пушкине, открытие нового музея - всё делается тотчас же общественным событием..."

Появилась другая приятная забота. Людмила Арсеньевна и другие авторы поместили в центральные газеты и журналы информацию о впервые открывшемся в стране музее путешествий поэта. Первыми, кто заинтересо-

-вался нашим музеем, были, конечно, наши коллеги, сотрудники пушкинских музеев. Их мы принимали без конца и края: руководителей, заместителей по научной работе, методистов, экскурсоводов, экспозиционеров... Я уже тогда стала понимать, что наши экскурсии должны быть разными для разных категорий музейщиков. Экспозиционерам, например, нужен рассказ автора экспозиции. Все другие категории посетителей могли обслужить мы, сотрудники музея. Конечно, большой ответственностью было водить заместителей директоров по научной работе. Все эти группы доставались мне. Я в какой-то мере понимала, как в экспозиции воплощён тематико-экспозиционный план, какими приёмами создан образ времени Пушкина и раскрыта тема путешествий поэта по дороге Петурбург-Москва. Тема необычной пушкинской экспозиции покоряла гостей. Возможно, не случайно вслед за нашим музеем был открыт музей "Домик станционного смотрителя" в Выре под Петербургом, а в Валдае - музей колоколов.

Не раз в Торжке по собственной инициативе побывала младший научный сотрудник Пушкинского дома Римма Ефремовна Теребенина, ныне покойная. Она дала высокую оценку тому, как в экспозиции представлено рукописное наследие Пушкина и прижизненные издания его произведений - то, что от имени Пушкина и его современников вело рассказ о поездках поэта по главной дороге России и его дорожных впечатлениях. Она заметила, что наш музей - не что иное, как экспозиционное воплощение философской, полемической статьи Пушкина "Путешествие из Москвы в Петербург".

Будучи хранителем рукописного наследия А.С. Пушкина, Римма Ефремовна подарила нам копии автографов поэта, в которых отражены его связи с Тверской землёй. Прислала она нам и ксерокопии опубликованных в конце XIX - начале XX веков статей таких авторов, как Колосов, Иванов, Фессалоницкий, Виноградов, которые рассказали о зарождении тверской Пушкинианы. Нам оставалось только продолжать эту работу, собирая и изучая труды о пребывании Пушкина на Тверской земле, вышедшие в свет в XX веке. Это книги и статьи А.А. Суслова, А.С. Пьянова, Р.Е. Теребениной, Л.Ф. Керцелли, В.Ф. Кашковой и других.

По приглашению Риммы Ефремовны я не раз бывала в Пушкинском доме в Ленинграде. Она предоставила мне возможность познакомиться с музеем Института русской литературы, а также с фондами этого музея, где я смогла уточнить датировку гравюры с изображением К.Н. Батюшкова, помещённой в нашей экспозиции.

Побывала я и в комнате-сейфе бывшего дома царской таможни, где при определённом температурно-влажностном режиме, строго охраняемое, находится рукописное наследие А.С. Пушкина. Волнение, охватившее меня, когда я склонилась над листками со строками Пушкина, адресованными невесте, свежо для меня и теперь. Моя сопричастность с этим была так велика, что я стала свободно читать эти короткие письма к Наталье Николаевне, внимая им, понимая их, переживая вместе с поэтом.

В Пушкинском доме я познакомилась с научным описанием рукописных пушкинских текстов, помещённых в нашей экспозиции. Я получила и другую помощь от сотрудников этого учреждения.

Римма Ефремовна была первым автором, уточнившим тверскую Пушкиниану второй половины XIX века, написав книгу о пушкинских местах России. Она первая обратила внимание на то, что, согласно её архивным изысканиям, современное здание гостиницы Пожарских не соответствовало тому, каким оно было во времена Пушкина. Найденные ею документы говорили о перестройке здания в середине XIX века, после смерти Пушкина.

Помнится мне приезд к нам сотруд-

Т.В. Горох ведёт экскурсию в музее для гостей из США.
Июнь 1990 г.

Заведующая музеем Горох Т.В. после экскурсии по музею.
1983 г.

ников Государственного исторического музея. Прослушав вступительное слово моей экскурсии, они разошлись по залам, и мне никакими силами не удалось их собрать. Я расценила это как моё полное поражение в роли экскурсовода. С этим чувством я жила до тех пор, пока не приехала в Москву, в ГИМ. В фондах я должна была познакомиться с предметами дорожного быта России времени Пушкина и рисунками художника В.Ф. Ярополова из Торжка. Встретившись с сотрудниками - Мартой Константиновной Гуренок, Ниной Михайловной Пыровой и Еленой Игоревной Иткиной, я услышала от них восторженный отзыв о нашей экспозиции. Они были удивлены тем, что увидели у нас копии многих документов и рисунков, которые хранятся у них в подлинниках. Порадовались тому, с каким искусством и любовью этот материал был представлен в торжокском музее. Призадумались о том, сколько духовного богатства скрыто от людей в фондах их музея. "Мы одним ухом слушали Вас, а двумя глазами смотрели на знакомый нам материал, который так украшал вашу экспозицию. Вы напрасно волновались", - говорили они мне.

Картина Дюрана "Трактир на дороге" и по сей день надолго останавливает возле себя художников и искусствоведов. Художники братья Ткачёвы отметили малоизвестные подлинные портреты Д.Е. Пожарской, кисти Т.А. Неффа, Ф.Н. Глинки неизвестного автора, П.А. Оленина работы А.К. Лашина и карандашный портрет М.С. Олениной, выполненный Ш. Мазером. О копиях с портретов К.М. Полторацкого художника Д. Доу, А.А. Полторацкой и М.Ф. Полторацкого художника Д. Левицкого они сказали, что они также представляют культурную ценность, так как написаны очень давно - в конце XVIII - начале XIX веков.

Положительную оценку нашей экспозиции слышали все сотрудники, на долю которых выпала честь водить гостей из многочисленных музеев страны и мира. Восторженные отзывы истинных любителей творческого наследия А.С. Пушкина были бесконечны.

"...Гораздо больше мне нравился рисунок О. Кипренского, где изображён совсем юный, мальчик в бескозырке и накинутом плаще сын прадеда - Пётр Алексеевич Оленин..."

Нашу экспозицию встретили не только похвалы и дифирамбы.

В первые дни своей работы я познакомилась со Львом Валентиновичем Тимофеевым - создателем и первым директором музея-усадьбы Олениных "Приютино" под Петербургом. Его искренне порадовали материальные возможности Калининского государственного краеведческого музея, создавшего красивую, запоминающуюся выставку "Пушкин и Тверской край", но не был согласен с тем, что в экскурсии говорилось о пребывании Пушкина в доме, где расположился музей, а на его стене висела мемориальная доска с надписью: "В этом доме проездом с 1828 по 1836 гг. неоднократно бывал А.С. Пушкин". И в устных беседах, и в письмах Лев Валентинович настоятельно убеждал нас, что мы не правы. Он много лет работал в архивах Петербурга, Москвы, Рязани, Касимова, Твери, которые располагают солидными фондами семьи Олениных. Но ни в архивах, ни у многочисленных потомков Олениных он не нашёл доказательств, что дом на Ямской принад-

лежал Олениным. Жизнь Петра Оленина, отражённая в его послужном списке и в письмах к друзьям и родственникам, исключает встречи Пушкина с ним в Торжке.

Мы не вняли его научным доводам и доказательствам, и он вынужден был рассказать о них в статье "Пушкин и Пётр Оленин", напечатанной сначала во "Временнике пушкинской комиссии" в 1977 году, а позднее и в других солидных изданиях. Мы обязаны были реагировать на эту статью. Но как? По-прежнему доверять краеведческой и на-учно-популярной литературе, которая не давала ссылок на архивные изыскания, или воспоминаниям М.П. Гортынской, правнучки П.А. Оленина, достоверность которых опровергала её сестра С.С. Попова? Она, например, никогда не слышала о том, что в семье Олениных бытовала легенда, что Пушкин бывал в доме на Ямской, как пишет М.П. Гортынская. Мы убрали эту красивую легенду из экскурсии. Но что делать с этой мемориальной доской? В страхе перед фальсификацией в её тексте, я распорядилась снять её и сразу же доложила об этом своему руководству в Тверь. В тот же день мне позвонил начальник областного управления культуры В.Н. Корешков. Он говорил со мной примерно так: "Вы, видимо, не знаете, что памятники и памятные доски устанавливаются исполнительными органами власти на местах. В своих действиях они опираются на научные обоснования или факты. Если памятники или памятные доски установили ошибочно, то для снятия их нужны научные обоснования их ошибочности. Вы не устанавливали эту доску, и вы не вправе её снять". Что делать? Доска гранитная, тяжёлая, её снимали несколько мужчин, военнослужащих. Татьяна Евгеньевна, поняв моё затруднительное положение, позвонила в учреждение, где служил её муж. Прибывшие офицеры вновь водрузили доску на здание музея.

О том, что доска висит на прежнем месте, экскурсоводы из Ленинграда сообщили Льву Валентиновичу. Он обиделся и сказал, что вновь будет рассказывать на страницах печати о том, что надпись на доске не соответствует действительности. *"Вы не имеете права, - писал он, - делать вид, что нет моей информации, исключающей вашу"*. Я поняла, что мне нужно знать, как и почему были установлены памятные доски на здании музея в 1969 и 1974 годах. Даты подсказали, что это было сделано к 170-летию и 175-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Попытки узнать подробности от моего музейного окружения, советских, партийных и исполнительных властей города и области ничего не дали. Никто ничего не помнил. Я обратилась к старожилам, краеведам, людям неравнодушным к тому, что происходит в городе. Они помнили, как изменялся Торжок, были свидетелями обновления и украшения его улиц и площадей, фасадов домов.

Рассказы научного сотрудника Института льна Татьяны Тихоновны Поповой, директора вечерне-сменной школы Ивана Ананьевича Байкалова, на здании которой была укреплена первая мемориальная доска, сотрудника усилительного центра кабельной магистрали в Торжке Алексея Ивановича Бахилкина, почётного гражданина города, профессора Московского архитектурного института Льва Васильевича Андреева - дали мне возможность написать историю установления памятных досок на здании музея и копии первого пушкинского памятника в Торжке работы скульптора А.М. Опекушина.

Информация, полученная от сотрудника областного управления культуры Ларисы Николаевны Шаульской, документально подтвердила появление на свет второй мемориальной доски. В 1973 году 29 января был сделан заказ во Всесоюзный художественно-производственный комбинат за подписью Г.П. Ломовских. 17 июля 1973 года был заключён договор со скульптором Владимиром Михайловичем Кураевым и

его женой, архитектором Людмилой Павловной Шатиловой об изготовлении мемориальной доски. В июне 1974 года состоялась установка этой доски, полностью повторявшей текст первой о пребывании Пушкина в доме на Ямской.

Только в 1988 году исполнительные органы власти Торжка и Тверской области приняли решение о снятии мемориальной доски и замене её на охранную со следующей надписью: *"Памятник архитектуры XIX века. Городская дворянская усадьба (усадьба Олениных). Охраняется государством. Повреждение памятника карается законом".*

Судьба доски наилучшим образом была решена на месте. В мастерской по изготовлению памятников был стёрт ошибочный текст и оставлен только автограф поэта. Фасад дома теперь невозможно представить без памятной доски-медальона с изображением А.С. Пушкина. Охранная доска не имела бы такого художественного значения для украшения здания и к тому же содержала ошибку: дом на Ямской по-прежнему был назван бывшей усадьбой Олениных.

Известно, что П.А. Оленин поселился в своём имении "Машук" осенью 1835 года, с чем поздравлял его отец А.Н. Оленин в письме от 28 октября (см. Временник Пушкинской комиссии на 1977 г. Л., 1970. С. 125). Сотрудница нашего музея Гелена Викторовна Русакова нашла в Тверском государственном архиве материалы о том, что позднее П.А. Оленин ввёлся в новоторжское дворянство. От Людмилы Анатольевны Быковой, сотрудницы того же архива, мы получили свидетельство того, что дом на Ямской в XIX веке не был домом Олениных, а значился домом Львовых, а затем Балавенских.

Из Рязанского архива нами получен дневник Марии Сергеевны Олениной, который она вела в 1873 году примерно этого же времени письма её к сыну, А.П. Оленину, а также к родственникам и знакомым. В них упоминается город Торжок, он значится и на конвертах, но старый дом на Ямской нигде не просматривается как недвижимость семьи Олениных.

Эта история заставила меня очень серьёзно задуматься над тем, в каком учреждении я работаю. Это не клуб и не библиотека, это научно-просветительское учреждение, статус которого требует от его сотрудников не доверять каждому печатному слову, очень осторожно использовать легенды, предания, сказания. Основой музейной работы является сбор, изучение и показ реалий, фактов, документов того или иного периода. На них-то и строится любая музейная экспозиция, а каждый музей - это история, и она должна быть достоверной.

Наше сотрудничество со Львом Валентиновичем продолжается по сей день. Он не только высылает нам свои научные труды, но и участвует в пушкинских литературных чтениях. В его письмах мы находим ценную информацию об Олениных и о тех, кто составлял окружение этой семьи. Сведения о них и об истории создания, бытования и поступления вещей Олениных в Государственный музей А.С. Пушкина, музеи "Приютино", Рязани, Касимова мы занесли в свой архив, а если они поступили в наш музей, то создали научные паспорта.

Лев Валентинович подарил нам свою книгу "В кругу друзей и муз", которая стала для нас настольной. И не случайно. Наши музеи созданы на материалах одной эпохи, включающей в себя русскую культуру и историю на рубеже XVIII и XIX веков, и ещё больше роднит их тема "Пушкин и Олонины". Лев Валентинович дополнил и уточнил составленную нами родословную Олениных. Благодаря ему, мы познакомились с правнучкой П.А. Оленина, Софьей Сергеевной Поповой, жившей в Москве, и праправнучкой, Прасковьей Алексеевной Усовой, и теперь живущей в Твери. У них мы видели семейные ре-

МУ «Торжокская ЦБС»
Тверской обл.

ликвии, с которыми они так и не расстались: картину Гвидо Рени с видом Италии, портрет М.С. Олениной - акварель В. Гау - и её вышивки, иконы, семейные альбомы - всё из времени Пушкина, всё это бесценно.

Лев Валентинович и научный сотрудник музея-усадьбы "Приютино" Наталья Антоновна приняли участие в издании сборника "Пушкин и Торжок", вышедшего к 30-летию нашего музея. Л.В.Тимофеев приезжал в Торжок на юбилей музея и подарил десятки книг, изданных в Петербурге к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Когда-то мы мечтали о "Пушкинской энциклопедии", о полной "Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина", о "Чиновном мире России конца XVIII - начале XIX веков" Л.Е. Шепелёва и других ценных изданиях, а теперь они составляют гордость нашей библиотеки.

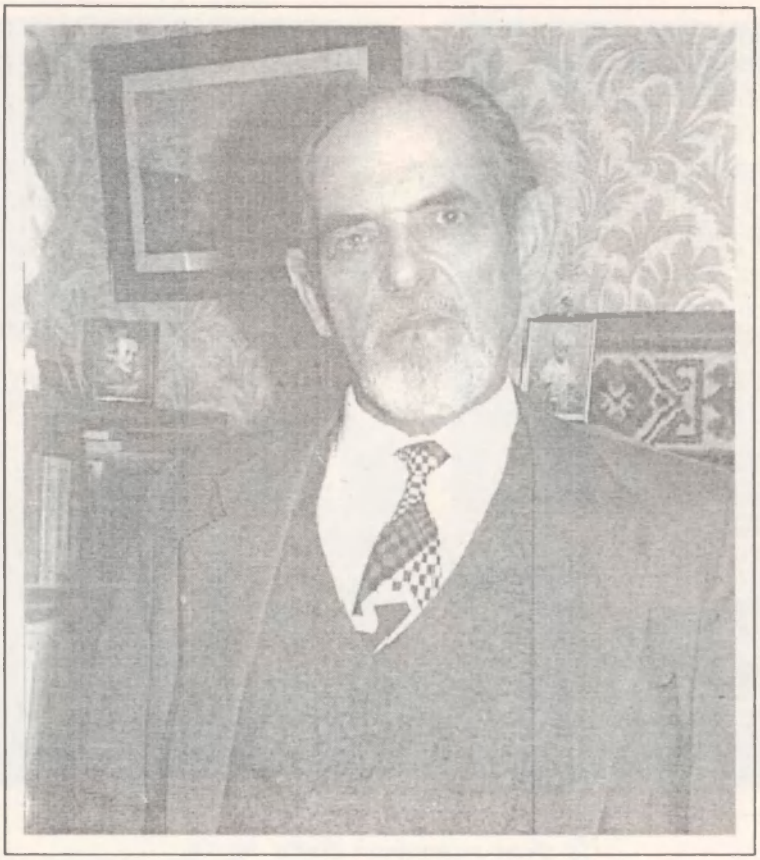
"...Но эти руководители запомнились мне как интересные люди..."

Я упомянула имена двух начальников областного управления культуры - Геннадия Петровича Ломовских и Валерия Николаевича Корешкова. Для меня всегда было волнительно и ответственно встречаться с моим непосредственным и более высоким начальством. Но эти руководители запомнились мне как интересные люди.

Верилось, что Геннадий Петрович любил наш музей и гордился им. Он часто показывал его гостям Калининской области. Он никогда не торопил экскурсоводов, внимательно слушал их. И каждый раз, если мы этого не делали, он тактично прерывал рассказ, чтобы подвести гостей к турникету, где размещались портреты дочерей П.А. Оленина, - Т.П. Балавенской и Е.П. Энгельгардт - рисунки художника Н.А. Андреева. Рассказывал о художнике, о том, как его работы поступили в наш музей, как часть его работ была обменена Калининским краеведческим музеем на портрет Д.Е. Пожарской кисти Т.А. Неффа, хранившийся в Калининской картинной галерее. Портрет хозяйки гостиницы теперь украшает зал музея, где развёрнута тема "Пушкин и Торжок".

Обращал внимание на фотографии середины и конца XIX века - на них можно было рассматривать внешний вид барского дома и интерьеры, украшенные медальонами, картинами, портретами, зеркалами. И пусть Геннадий Петрович не знал подробностей обо всех реликвиях, запечатлённых на фотографиях, но он понимал, что всё это было так близко к имени Пушкина. Например, "семейный иконостас" семьи Олениных начинает портрет Е.М. Олениной кисти художника Варнека. К сожалению, на фотографии не виден бюст А.Н. Оленина, президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки, о котором рассказывала М.П. Гортынская в своих воспоминаниях. В доме на Ямской, именно так "поселилась" чета Олениных, принимавшая Пушкина в своём доме, в Петербурге, и на даче в Приютино. Пушкин хорошо знал всю семью Олениных, Пётр поселился в Новоторжском имении. Портреты юного П.А. Оленина (работы О.А. Кипренского) и его жены Марии Сергеевны (работы В. Гау) Геннадий Петрович с удовольствием находил на фотографии, а затем в экспозиции.

Кстати, ещё о фотографии интерьера старого дома. По поводу неё нашей переписке С Л.В. Тимофеевым нет ни конца, ни края, потому что на ней опознаны не все члены семейства. А ведь у



Тимофеев Лев Валентинович - историк,
первый директор музея-усадьбы "Приютино".
Фото 1998 г.

Тимофеев Лев Валентинович
на пушкинских чтениях в здании музея в 2002 г.
Фото Назаровой В.Н.

На фоне памятной доски музея.
Слева направо: Тулинова Л.В. - экскурсовод, Пушай Т.П. - издатель "Тверской старины", Горох Т.В. - заведующая музеем.

Сотрудники музея.
Слева направо: Русакова Т.В. - экскурсовод, Горох Т.В. - зав. музеем, Светличная Л.Н. научный сотрудник, Виноградова З.А. - муз. смотритель, Беляева Н.М. - кассир. Впереди: Мещерякова Е.Д. (муз. смотритель).

каждого портретируемого, у каждого портрета - своя судьба. Например, портрет Е.М. Олениной работы художника Варнека считался утерянным, но совсем недавно был обнаружен в частной коллекции жителя Петербурга. Эта находка - сенсация для русской культуры. Он приобретён музеем-усадьбой Олениных "Приютино". Бесконечные тайны других предметов на фотографии нужно ещё раскрывать.

В.Н. Корешков возглавлял областное управление культуры после Г.П. Ломовских. Он обладал феноменальной памятью, свободной, лёгкой речью, всегда выступал без каких бы то ни было записей. Хорошо знал состояние учреждений культуры, кадры, таланты, достижения. О музеях области говорил в контексте положения дел в культуре России вообще и в культурной жизни области в частности, используя информацию, которой он владел в совершенстве. Мне очень приятно, что моё имя упомянуто рядом с его именем в списке награждённых орденами в 1988 году, в газете "Калининская правда", в статье "С высокой наградой Родины!". (Я - кавалер ордена "Знак почёта").

"...Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу..."
(Изучение изобразительных материалов музея)

Открывшаяся пушкинская дорожная экспозиция привлекла внимание и наших горожан. Среди них была Галина Алексеевна Климовская. Её я знала как автора глиняной игрушки и преподавателя рисования педагогического училища, где училась моя дочь. Читала также её статьи о новоторжских золотошвеях в местной газете.

Посетительницей Галина Алексеевна была необыкновенной. Она приходила в музей очень часто и неторопливо, внимательно рассматривала всё, что сотворено руками людей: мебель, картины, рисунки, иконы, полотенца, вышивки, пряничные доски - всё было предметом её изучения.

По залам музея, когда не было экскурсионного потока, ходила и я. Мне нужно было как-то начать работу по составлению научных паспортов подлинных предметов нашей экспозиции. Такое задание заведующие филиалами Тверского государственного объединённого музея получили от главного хранителя, ныне покойного Алексея Алексеевича Чарикова. В то время, как бы внимательно ни всматривались в экспонаты своего музея я и мои сотрудницы, мы ничего не могли бы внести в научные паспорта, кроме информации из этикеток и сведений из тематико-экспозиционного плана. Как и где найти недостающую информацию, я не знала и была в состоянии полной беспомощности.

О своей беде я рассказала Галине Алексеевне. Она обещала помочь - она знала, как это сделать. "Посмотрите, - говорила она, - ваш музей на две трети состоит из предметов изобразительного искусства. Они здесь неслучайны. С их помощью в экспозиции передан внешний облик Пушкина и его современников, показаны картины природы и сцены из жизни различных сословий русского общества. Вот с них-то мы и начнём изучение предметного мира музея.

Вначале она предложила нам занятие по теме "Что такое изобразительное искусство". После этого приподнялась завеса тайн над каждым экспонатом. Было раскрыто содержание каждого

слова в этикетках, в авторских и дарственных надписях на картинах и предметах.

А когда она провела второе занятие - "Изобразительная пушкиниана на материалах пушкинской экспозиции в Торжке", у нас появилась возможность занести в научные паспорта картин, гравюр, скульптур сведения о художниках и скульпторах, истории создания и бытования их произведений. И если этих сведений было недостаточно, то мы планировали их найти.

Глубоким вхождением в мир изобразительной пушкинианы были лекции, которые Галина Алексеевна подготовила к 100-летию со дня установления первого в России памятника Пушкину скульптора А.М. Опекушина и к 200-летию со дня рождения О.А. Кипренского. Её лекции для горожан прошли в залах музея, где можно было увидеть и внимательно рассмотреть и памятник Пушкину скульптора Опекушина (миниатюрную авторскую копию), и портреты А.С. Пушкина, А.А. Олениной, П.А. Оленина работы О.А. Кипренского и автопортрет художника, представленные копиями замечательных художников-копиистов.

В процессе работы мы задавали Галине Алексеевне много вопросов. По поводу икон, которые нашли место в нашей экспозиции, предметов дворянского и крестьянского быта, золотошвейных изделий мы получили глубокие, исчерпывающие ответы, достойные настоящего краеведа, историка, искусствоведа. Она оказала нам помощь в организации и экскурсионном обслуживании выставок работ художников Л.В. Андреева, А.С. Лыкина, С.И. Телина. "Автор", "дата", "жанр", "тема", "композиция", "перспектива", "колер", "техника исполнения" - мы уже не боялись этих терминов и смело пользовались ими во время экскурсий.

Помощью нам Галина Алексеевна не тяготилась, всегда была доброжелательна. Экспозиция ей нравилась, во всём она находила красоту, гармонию, целесообразность. Только однажды она сильно огорчилась - увидев икону с изображением Борисоглебского монастыря художника Недоноскова, которую нам передала жительница Торжка Мария Николаевна Паршина: икона была "обновлена", то есть густо покрыта лаком.

Галины Алексеевны нет среди нас, но в архиве музея есть тексты статей и выписки, собранные ею в процессе изучения изобразительного искусства пушкинской поры. Помним мы и её совет собирать репродукции всех видов изобразительной Пушкинианы. Выходные данные репродукций, как правило, указывают, в каких местах страны и мира хранятся их оригиналы. И если нет возможности там побывать, то представление о подлинном художественном произведении даёт его репродукция.

Книг, статей, выписок и переписки, энциклопедий, альбомов по изобразительному искусству нами собрано столько, что появилась возможность найти ответы на такие вопросы:

- Какова история этих изобразительных материалов?

- Где хранятся подлинники, если у нас копии?

- Кто автор копии? Когда она исполнена?

- О чём они должны рассказать в Пушкинской экспозиции?

- Заметное ли место занимают они в безбрежном море изобразительной Пушкинианы?

Галина Алексеевна познакомила нас со своей тётей - В.В. Клевенской (ныне покойной), жившей в Москве. Валентина Васильевна из того круга людей, в который входили потомки богатых мещан, купцов и дворян. Она, как и Галина Алексеевна, - потомок семьи Пожарских, содержателей известной гостиницы в Торжке по линии купцов и ямщиков Шитарёвых. В этот круг людей входила и Софья Сергеевна Попова, правнучка Петра Алексеевича Оленина, которая

На Пушкинском празднике поэзии в день открытия памятника А.С. Пушкину.
На переднем плане справа - Кашкова Валентина Фёдоровна, экскурсовод.
Фото 2 июня 1973 г.

На презентации сборника "Пушкин и Торжок".
Во втором ряду слева: Костюкович Лариса Евгеньевна - научный сотрудник ТГОМ и Яковлева Ирина Николаевна - заведующая отделом литературных экспозиций ТГОМ. В третьем ряду справа: Светличная Лариса Николаевна - научный сотрудник Музея А.С. Пушкина.
Фото Назаровой В.Н., 2002 г.

Презентация книги В.Н. Рысенкова "Ольховые облака".
На первом плане - уч-ся ср. школы № 1 (классный руководитель Туркина С.И.)
Фото 2 декабря 2002 г.

приняла нас в Москве после представления ей Валентины Васильевны. Супруги Клевенские были дружны с автором многих работ о Пушкине - Арнольдом Гессеном.

Валентине Васильевне как бывшему сотруднику библиотеки имени Ленина был доступен рукописный отдел этого хранилища. Для нас она работала там и передала нам описание фонда семьи Полторацких и выписки из документов о судьбе усадьбы Грузины. Из библиотеки она получила и переслала нам сведения о лейтенанте П.П. Шмидте и его адвокате Сергее Александровиче Балавеснком - отце Софьи Сергеевны Поповой. Ради нас рассталась Валентина Васильевна и с зеркалом из гостиницы Пожарских. Его привезли из Москвы научный сотрудник отдела литературных экспозиций головного музея Галина Макаровна Гречишкина и экскурсовод нашего музея Лариса Николаевна Светличная. Они рассказали мне, что в квартире Клевенских им посчастливилось видеть А. Гессена.

Теперь, когда уже нет здания гостиницы Пожарских, нам приятно сознавать, что зеркало из этой семьи хранится у нас, в старом доме на Ямской.

"...Моя библиотека растёт и теснится..."
(Создание библиотеки и научного архива музея)

Ценный материал, который мы получили от Р.Е. Теребениной, Г.А. Климовской, Л.В. Тимофеева и от населения города, должен был занять достойное место в музее. Но где и как? Книги, понятно, рядышком - по содержанию или по формату. А как разложить периодический материал, научную переписку, репродукции, открытки и так далее? По тематическим папкам? Но одна и та же, например, статья по заключённой в ней информации может быть положена в папки по другим темам. Вновь тупик. Кроме того, всё это должно стоять в шкафах или на полках, которых у нас тогда не было. Не определена была и комната для библиотеки.

Единственное, что мы знали, это то, что поступившая литература должна быть записана в инвентарную книгу. Книгу мы завели и на записанную в неё литературу начали составлять алфавитный каталог. А всё остальное принималось, складывалось и становилось закрытым, тайным багажом информации.

Вышли мы и из этого затруднительного положения. И вновь помогла допущенная нами ошибка. В журнале "Наука и жизнь" за 1981 год, в котором рассказывалось об открытии новой пушкинской экспозиции в Торжке, была помещена фотография фрагмента этой экспозиции. На ней среди мемориальных вещей нашего дома крупным планом была показана реликвия семьи Олениных - картечная пуля, которая в статье была названа ядром с Бородинского поля сражения. Мы даже не успели найти этот журнал, чтобы прочесть его, как из Москвы пришло письмо от Александра Александровича Смирнова, "ревнителя памяти войны 1812 года". Он отметил нашу серьёзную ошибку в статье, объяснив научно, что "пуля" и "ядро" - это далеко не одно и то же и что никак нельзя подменять эти понятия.

Мы уже были напуганы тем, как резко, безжалостно объяснился с нами Л.В. Тимофеев по поводу мемориальной доски, как болезненно пережили мы свою первую ошибку. Поэтому вторая неточность, да ещё в печати, заставила нас вновь поволноваться. Я написала ответ Александру Александровичу, поблагодарила его, обещала, что его доказа-

тельства мы примем к сведению, и пригласила его к нам в музей.

Вскоре он приехал в составе московской группы. Экскурсию для неё вела Татьяна Евгеньевна. Александр Александрович прошёл вместе с группой два первых зала экспозиции. А в третьем зале, "оленинском", он подошёл к нам с Ларисой Николаевной и сразу же сказал, что музей ему понравился и тем более покорил его, что он увидел массу материалов о войне 1812 года, которой увлечён с детства и изучает это историческое событие. Обещал подарить свою только что вышедшую книгу "Москва героям 1812 года". Закончив экскурсию, к нам подошла Татьяна Евгеньевна. Все мы прошли на второй этаж, и наша озорная Таня рассказала и даже показала ему по пути, каким мы его представляли после его официального письма по поводу картечной пули - сухим, въедливым, стареньким и хромым. Так шутить было позволительно только Тане, тем более позволительно, что Александр Александрович оказался совершенно не таким и не обиделся, все мы расслабились, шутили, смеялись.

Наше общение продолжается по сей день. Не было ни одного письма, ни одного телефоннного звонка, ни одного его приезда или наших командировок в Москву, чтобы мы не получили какой-либо информации. Сейчас уже можно смело сказать, что если мы в какой-то мере состоялись как музейные работники, то это благодаря Александру Александровичу, потому что помощь, которую он оказывал, касалась не только его любимой темы, но и всей эпохи, в которую произошло это важное событие, а также вопросов музейной работы.

Вот, например, фрагмент его письма, которое он написал мне после короткого знакомства с нами: *"Мне, конечно, трудно судить о достоинствах и недостатках созданной в Вашей области музейной фирмы,* (т.е. создания Тверского объединённого музея Т.Г.) но, если принять этот факт за основу, то, как мне кажется, прежде всего, следует пытаться максимально узнать о предметах собственной экспозиции и иметь у себя под рукой все необходимые справки о них. Эти материалы целесообразно сосредоточить в одном деле или фонде. Иначе говоря, копии научных паспортов и сопутствующих документов (если подлинник забирает Калинин), а также переписка, их касающаяся, должна быть у Вас. В ваших условиях эти материалы могут составлять особый фонд или раздел музейной библиотеки.

Теперь о самой библиотеке. Конечно же, книги, получаемые Вами разными путями, следует описать общепринятым порядком, как и сброшюрованные выписки из книг. Если выписки касаются конкретных экспонатов, то лучше поместить их в папку с материалами по этому экспонату (предмету) или группе. Однако кроме систематического каталога в библиотеке у Вас надо иметь каталоги-указатели: именной (пушкинское окружение), предметный (пушкинские памятники, вещи), тематический (пушкинские произведения) и т.д. Такой каталог поможет сотруднику быстро обратиться к нужному источнику Вашей же библиотеки и оперативно получить необходимый ответ. А описание библиотечных материалов надо начинать, пока их мало. Тогда багаж будет накапливаться, и откладываться постепенно. Вы можете спросить: "Когда и кому это делать, если в штате нет библиотекаря". Думаю, что Вам понятно лучше моего, что указатели-каталоги (а именно в них залог успешной подготовки сотрудников) квалифицированно могут вести только научные сотрудники, которым это нужно в первую очередь. ...Таким образом, Вы положите начало научной библиотеке. Что же касается статуса "научной", то для этого, прежде всего, нужен солидный библиотечный фонд, описанный и систематизированный. ...25.02.81."

Музейный работник, прочтя эти строки, может удивиться, воскликнув: "Ну а как же! Ведь всё это должно быть."

А нам так не казалось. Экспозиция есть, экскурсия по ней есть, посетители довольны, постепенно накапливаются книги и статьи. Что же ещё надо? Помимо этого совета Александр Александрович и его друг Ростислав Николаевич Архипов высказали своё мнение и об устройстве нашей экспозиции, что меня очень напугало. Я решила отступиться от всякой помощи. Поняв это, Александр Александрович в одном из писем так пристыдил меня за мои неправильные действия, что мне пришлось написать ему извинительное письмо. Тогда я поняла, что музей А.С. Пушкина - это не моё учреждение и даже не принадлежность города. Это национальное достояние, и трудиться в нём и для него может каждый.

Я приняла его помощь и советы, тем более что я оказалась в затруднительном положении с поступающей в музей литературой. Была приглашена в Москву, в его квартиру, где он показал мне свою библиотеку, насчитывающую не одну тысячу книг и всевозможных материалов по теме войны 1812 года. Я увидела и отражение этого материала в каталоге библиотеки и поразилась порядку, системе в царстве его любимых книг.

Пример был подан, а работа по изучению поступившего в музей материала и каталогизированию не начиналась. Никто не изъявил желания это делать. В один из приездов Александр Александрович сам начал эту работу.

Продолжила её Наташа Цыганкова, которая тогда заменяла ушедших в отпуска сотрудников музея, а затем принялись за эту работу и все мы.

Изучение и каталогизирование материала, начатое в далёкие 1980-е годы и продолжающееся по сей день, имеет теперь такие результаты. Наша библиотека по теме экспозиции насчитывает полторы тысячи томов. Всевозможный материал по этой же теме - 7 тысяч единиц хранения. В результате подробного ознакомления с ним и росписи его по содержанию на каталожные карточки оказалось, что он широко и полно отражает тему "Пушкин и его время". Эта тема вобрала в себя и государственное устройство России, её историю, культуру, армию, и жизнь разных сословий России, и среди дворянского сословия - жизнь великого человека - А.С. Пушкина.

Александр Александрович не касался вопросов, связанных с биографией и творческим наследием Пушкина. Всё это было нашей прерогативой и заботой. Но если это касалось государственного устройства России, его военной истории, особенно истории войны 1812 года или русской армии, русских полков, русских орденов и отражения этих понятий во всех видах изобразительного или прикладного искусства, то здесь мы никак не могли обойтись без его помощи. Так постепенно мы получили от него табель о рангах, понятие о чинах, должностях, наградах, титулах, о взаимоотношениях людей в чиновничьем мире, между людьми различных сословий и так далее. Конкретно, по поводу современников А.С. Пушкина, портреты которых так многочисленны в нашей экспозиции, мы получили их полсужные списки, описание мундиров, наград. Нас интересовали и сведения о тех знакомцах Пушкина, портретов которых не было в нашей экспозиции, но чьи имена произносились рядом с именем Пушкина. Например, муж А.П. Керн - Е.Ф. Керн, М.С. Воронцов, А.А. Аракчеев, генерал-губернатор Кутузов, подписавший подорожную А.С. Пушкина в 1828 году, и так далее.

Все эти материалы поступали к нам, но не всё нам было понятно. Поэтому Александр Александрович проводил с нами конкретные занятия. А для наших маленьких посетителей и для горожан он предложил лекции и занятия по следующим темам: о Д.В. Давыдове, о Раевских, о партизанах - героях войны 1812 года, о женщинах - героях войны 1812 года, военной галерее Зимнего

дворца, о докторе Ф.П. Гаазе и другие.

Принимал участие Александр Александрович и в работе с детьми в системе музейного всеобуча. В основе занятий были, к примеру, портрет юного героя Бородина П.А. Оленина работы художника О.А. Кипренского, или роспись наград и мундира К.М. Полторацкого работы Д. Доу, или военная игрушка - миниатюрные скульптурные изображения солдат и офицеров русской армии. На них можно было подробно рассмотреть все детали военного обмундирования и наград.

Для старших школьников Александр Александрович провёл занятие по воспитанию юноши-дворянина, обратив особенное внимание на военные учебные заведения России и военную службу дворян. Одним словом, он участвовал во всех видах просветительской работы с населением города и района. Маслозавод, золотошвейная фабрика, санаторий "Митино", детский спортивно-оздоровительный лагерь, село Таложня, школы города и другие - вот далеко не полный перечень мест, где Александр Александрович делал сообщения но своей любимой теме.

Видя моё желание знать и учиться, он приглашал меня в музеи Москвы и Ленинграда, которые он хорошо знал и где нас хорошо принимали. Это "Бородинское поле", Артиллерийский музей в Ленинграде. Кроме самого заповедника "Бородинское поле", меня очень обрадовало и удивило огромное количество томов по истории русских полков в их библиотеке. В Артиллерийском музее меня поразили его фонды, которые устроены и организованы так, что смотреть их гораздо интереснее, чем экспозиции. Богатство и разнообразие их трудно передать. Принята я была и в отделе наград этого фонда, где мне были показаны русские ордена всех степеней и мундиры великих князей в самом юном их возрасте. Запомнился мне альбом одного из великих князей с работами известных тогда художников с видами Петербурга.

Была я на нескольких заседаниях кружка истории войны 1812 года. Основательность сообщений членов этого кружка мне запомнилась. Например сообщение В.М. Безотосного о М.Б. Барклае де Толли.

Александр Александрович служил в Главном ракетно-артиллерийском управлении в должности учёного секретаря. В ведении этого управления и был Артиллерийский музей в Ленинграде, который был Александру Александровичу хорошо знаком, так как ему в качестве председателя или члена комиссии приходилось проводить проверки этого музея по всем видам его деятельности. Вот почему он так точно оказывал нам научную помощь во всех отношениях.

Выйдя в отставку, он был принят по конкурсу в Государственный исторический музей декабристов, а после его реорганизации стал учёным секретарём ГИМ.

Когда мы смелее стали относиться к изучению и научной обработке поступившего материала, он подарил нам более сотни книг, содержание которых глубоко и полно раскрывало время Пушкина.

В ответ на благодарность генерального директора нашего музейного объединения Ю.М. Бошняка Александр Александрович писал: *"Позвольте выразить Вам глубочайшее признание за столь высокое внимание к моему скромному дару, состоящему из 149 книг, поднесённых Вашей помощью входящему в состав вверенного Вам Объединения Музею А.С. Пушкина в Торжке. Этот подарок я слела от чистого сердца, безо всякой корысти, лишь испытывая уже более 18 лет глубочайшее уважение к заведующей этим музеем Т.В. Горох, перед музейной одержимостью которой я буквально преклоняюсь, у которой учусь поныне разнообразию изыскиваемых форм музейной работы в наше непростое время. От того, что я смогу хоть чем-то помочь этому чудесному музею, я испытываю величайшую несказанную радость. Завидую по-доброму, что у Вас в подчинении есть такие необыкновенные*

Смирнов А.А. на встрече с жителями города.
Фото 1999 г.

Смирнов А.А. в гостях у сотрудников музея.

Пушкинские уголки, распространяющие вокруг свет познания, притягивающие к себе добротой и благостью, что есть такие Сотрудники с искрой Божией в душе".

Последнее поступление от него в нашу библиотеку - это энциклопедия "Отечественная война 1812 года". В ней такая дарственная надпись: *"Дорогой Таисии Владимировне, коллективу давно любимого мною музея с самыми добрыми пожеланиями на долгую и добрую память от одного из редакторов и авторов. 17.07.04 г."*

Дар этот бесценен. В энциклопедии можно найти и описание войны 1812 года, оставившей такой значительный след в творческом наследии Пушкина, и имена его современников, портреты которых есть в нашей экспозиции. Помимо текстов статей энциклопедии в нашем распоряжении теперь и полная библиография материалов, раскрывающих то или иное понятие.

Помощь с его стороны была так велика и бескорыстна, что это волновало нас, и мы бесконечно задавали себе вопрос: "Почему он всё это делает, в чём дело?" Подобного в жизни мы ничего не видели. Когда я осмелилась спросить его об этом, он ответил примерно так: "Жил на свете, а именно в XIX веке, врач-гуманист Ф.П. Гааз, девизом жизни которого были слова: "Спешите делать добро". Вот я и следую ему. Жизнь коротка, в ней надо максимально трудиться и торопиться делать добро".

"...Ребята младших классов - посетитель умный, тонкий и благодарный..."

Популярность нашего музея была так велика, что мы за общей радостью чуть не просмотрели, что в потоке туристов население нашего города составляло ничтожное меньшинство. Когда мы пытались пригласить в музей взрослых людей, они к нам не пошли, мотивируя это тем, что в музее они уже были и лучше поедут в Москву, Ленинград, Прибалтику (там есть что купить). Это было предперестроечное время. Мы поняли, что взрослые как посетители музея для нас - потерянное поколение. Нужно воспитывать будущих посетителей музея, то есть работать с детьми. Но как? Что у нас для этого есть?

С одной стороны - музейная экспозиция, обзорная экскурсия, 44 лекции и 26 массовых мероприятий, положенных по плану. Один раз в году проводился Пушкинский праздник поэзии, которому предшествовали Пушкинские чтения. Всё это вместе - будто бы немало, но всё это можно предложить одной и той же группе детей по одному разу. С другой стороны, дети, с которыми мы собирались работать, не ориентировались в пушкинской эпохе, не знали ни творчества поэта, ни тверской пушкинианы.

Каким же нужно быть талантливым изобретательным музейным работником, чтобы с одной встречи с детьми произвести на них такое впечатление, вызвать такое душевное потрясение, которые привели бы каждого из них в музей не один раз, сделали посещение музеев внутренней потребностью. Как сделать понятным содержание нашего музея?

За этими заботами как-то застала нас Елена Гавриловна Ванслова, заведую-

щая отделом музееведения Министерства культуры РСФСР. Она предложила нам совместно с ней разработать систему занятий музейного всеобуча с одними и теми же детьми, в основе которой обязательно будут подлинные музейные предметы из экспозиции, за её пределами и те, которые дети принесут сами. Музейные предметы должны представлять различные пласты русской культуры.

Мы поставили перед собой задачи воспитания музейной культуры - понимания, что каждый предмет - сгусток истории, поэтому относиться к нему надо с уважением и вниманием. Надо было научить детей находить среди окружающих нас вещей предметы с историческим значением, вызвать у них стремление к посещению музеев, то есть приближению к памятникам.

Проводить занятия предполагалось в музее, за пределами экспозиции с подлинными предметами, принесёнными детьми.

Мы решили в процессе занятий не читать лекций, не проводить экскурсий, не назидать, а создать систему вопросов и задать их с таким расчётом, чтобы ребёнок мог сказать о памятнике как можно больше, и при этом у него складывалось впечатление, что он всё это знал или только что догадался.

Формы занятий могли быть разными, в зависимости от места проведения, возраста детей и вида памятника.

Так мы начали работу с дошкольниками и, учитывая психологию ребёнка, то есть его образное, предметное познание мира, первые занятия провели в форме игры, воображаемых путешествий в прошлое. Вначале пытались дать понять, как далеко было пушкинское время. Дети "побывали" в крепостной деревне, на почтовой станции, в доме новоторжского мещанина, в гостях у Олениных.

Не произнося страшных слов (научных терминов): "вещь - сгусток истории", "в ней заключена психология созидателя", мы пытались дать понятие о музейном предмете: что это? из чего это? кто сделал? как сделал? для чего? Вещи подсказывали социальные роли, исторические ситуации, в которые ставились дети, и становилось понятно, кто кого боялся, от кого зависел, какие были отношения между людьми разных сословий того далёкого пушкинского времени.

Как жили и что умели делать наши далёкие предки - об этом рассказали археологические предметы - черепки древней посуды, орудия труда. "Природа - строитель", "Я и мой город" (занятие с памятниками архитектуры), "Искусство книгопечатания" (занятие по рукописной книге XVII века из Борисоглебского монастыря) - такими были темы.

Мы обратили внимание детей на то, что рассказывать могут не только редкие, удивительные старинные предметы, но и те вещи, которые бытуют среди нас. Детям было предложено принести из дома какие-нибудь старинные вещи и документы. Они принесли вексель, долговую расписку, дореволюционную газету, старые деньги, документ на покупку земли в городе Торжке, лист из приходной книги Ильинской церкви, фотографии прадедушек в форменной одежде XIX века, времён русско-японской, империалистической, гражданской войн, октябрьской революции и фотографии дедушек в форме Великой Отечественной войны.

Мы очень боялись, что старые, бесцветные, часто невыразительные документы не "заговорят", не будут достойным предметом рассмотрения, раздумья. Но вышло наоборот. Занятия прошли успешно. И мы поняли почему: эти вещи "говорили" не о людях прошлого вообще, не о постороннем человеке, пусть даже и великом, а о близких и родных.

Детям стало понятно, что они и их мамы, папы, бабушки, дедушки, прабабушки, прадедушки - маленькие звенья в большой исторической цепочке, что жизнь каждой семьи - это частица большой истории.

"Мы - исследователи" - так была названа серия занятий по документам, принесённым детьми из дома. Дети вычертили родословные, чтобы понять, в каком родстве они состоят с людьми, чьи документы сохранились. У некоторых ребят родословная достигла крепостного права и даже подошла ко времени Пушкина. Дедушки и бабушки рассказывали детям, что это было за время, чем занимались их предки (сапожники, ямщики, тряпичники, пожарные, священники и другие).

Были созданы музеи предков. Дедушки и бабушки были глубоко растроганы экскурсией по их музею. Ещё бы! Рассказ и показ были убедительными, ведь над созданием музея трудились "фондовики", "экспозиционеры", "художники", "экскурсоводы". Музей дедушки - это совсем не то, что, скажем, наше традиционное занятие с приглашением дедушки. "Говорили" документы. А как горды были дети своей новой ролью, особенно ролью экскурсовода. Затем ребята создали музеи своих мам, пап, друзей, одноклассников из вещей, среди которых мы живём и которые, при определённых обстоятельствах могут стать предметами музейного значения.

Подводя итог этих занятий, мы обращали внимание детей на выразительный, убедительный язык вещей, но подчёркивали, что вещи, с которыми мы работали, рассказывали нам далеко не *обо всём, что есть в них, а только о* какой-то черте, грани.

Хотите, - предложили мы, когда они были уже в пятом классе, - убедиться в том, сколько информации заключено в любом из музейных предметов? Давайте рассмотрим портрет П.А. Оленина художника А.К. Лашина. Когда мы смотрим на портрет, у нас возникают вопросы исторического, искусствоведческого, психологического, музееведческого плана. Таким образом мы дали детям понятие об историко-культурном анализе портрета (не называя этого понятия) и об искусстве портрета.

На этом решено было закончить музейный всеобуч. Но дети пожелали сделать подобный разбор портрета П.А. Оленина работы художника О.А. Кипренского. Мы честно объяснили, что это работа по существу музейная, заниматься ею - значит учиться музейному делу.

Девочки, которые пожелали работать при музейном факультативе, сначала работали в саду, в архиве и библиотеке музея. Так прошёл год. Девочки поняли, из каких документов составляется архив музея, как ведётся его учёт, как ориентироваться в нём с помощью научно-справочного аппарата.

"Помните, - спросили мы, - что вы хотели сделать разбор портрета П.А. Оленина? В справочном аппарате есть картотека "Персоналии". Найдите раздел "П.А. Оленин". Посмотрите, какая информация есть об этом человеке. Достаточно ли её, чтобы ответить на все вопросы?".

Оказалось, что нужны были консультации искусствоведа, консультации по форме, наградам, сведения по истории вещей из этого дома. Мы даже утаили некоторые материалы, чтобы дети обратились к специалистам. Они и обращались к Г.А. Климовской, Л.В. Тимофееву, А.А. Смирнову. Это одно из удачных занятий, на котором мы решили остановиться, но дети сказали, что хотят поговорить о портретах Д.Е. Пожарской, К.М. Полторацкого, М.Ф. и А.А. Полторацких.

Разбор этих портретов пришёлся на время учёбы детей в седьмом классе. Чтобы избежать однообразия в историко-культурном разборе портретов, Елена Гавриловна предложила использовать в занятиях элементы театрализации.

Так, при разборе портретов Полторацких было "оглашено" завещание А.А. Полторацкой: "Чуя смертный час свой, могущий нечаянно произойти..." Это нудное завещание ожило и заговорило, когда перед ребятами предстала Полторачиха, её духовник, её письмово-

дитель, свидетели - дворяне Новоторжского уезда, её сыновья, внуки и лица, которым она завещала свои богатства. Нетрудно представить себе переживания всех присутствовавших при оглашении.

На занятии, посвящённом К.М. Полторацкому, был разыгран воображаемый разговор Константина Марковича с Наполеоном.

Когда говорили о Д.Е. Пожарской, о её гостинице, то показали сцену в трактире во время ужина и ночлега.

Говорили и о портрете М.С. Олениной художника Ш. Мазера. Мария Сергеевна жила в этом доме. В занятии, посвящённом ей, она выступала в роли хозяйки дома, у неё было торжество, бал. Было показано, как она занимает гостей, а также разговор девиц, молодых людей, её сыновей, пожилых дворян. Таким образом, дети получили представление не только об искусстве портрета, о мастерстве художника, но и проживали отдельные эпизоды из жизни людей, изображённых на портретах.

Когда мы опять сказали детям, что больше заниматься не будем, они нам ответили: "А Пушкин? Мы ведь изучаем его биографию, творчество". И нам снова пришлось отойти от традиционных форм помощи школе. Дети сами подготовили занятие о няне Пушкина "Ах, умолчу ль о мамушке моей", где жизнь няни была прослежена по периодам жизни Пушкина. Ребята выучили всё, что было в творчестве поэта о няне, говорили о музее в Кобрине.

Они умело воспользовались материалом об адресатах пушкинской лирики, сделали сообщения о Е.Н. Ушаковой, А.А. Олениной, Е.П. Бакуниной, при этом добровольно выучили стихи Пушкина, посвящённые этим женщинам.

Материалов об А.П. Керн хватило в музее для того, чтобы сделать самый настоящий вечер. Они умело использовали академическую статью Гордина, воспоминания А.П. Керн, подготовили лирический монолог по письмам Пушкина, сцену первого знакомства Пушкина и Керн у Олениных (Керн в роли Клеопатры). На вечере были представлены шарады, буриме, собственные изыскания по иконографии А.П. Керн. Были показаны фотографии с видами памятников на могиле А.П. Керн. Завершила вечер история создания романса "Я помню чудное мгновенье". На вечер ребята пригласили педагогов, ведущих уроки в их классе.

И на этом наши юные музейщики не захотели останавливаться. Они решили прокомментировать отдельные страницы романа "Евгений Онегин" с помощью показа бытовых реалий пушкинской поры. Петербург, путешествие Онегина, семья Олениных в романе, описание барской усадьбы, альбом уездной барышни, П.А. Плетнёв, которому был посвящён роман, Москва, патриотические строчки о Москве и так далее.

Подготовив эти занятия, мы сами научились многому. Мы видели огромные возможности нашей экспозиции для более обширной работы с детьми. Все это относилось только к научно-просветительской работе, но уровень-то каков!

Отдельные фрагменты занятий вошли в тематические экскурсии, которые мы провели для всех классов школ города.

"Здравствуй, музей!", "Зимняя дорога", "Народ в творчестве Пушкина", "Дубровский", "Быт в романе Пушкина "Евгений Онегин", "1812 год в творчестве А.С. Пушкина", две последние - на материалах пушкинской экспозиции в Торжке.

Все эти занятия мы провели с одним классом средней школы №1.

Я благодарна классному руководителю Людмиле Константиновне Гусевой, которая многие годы настраивала детей на занятия в музее, сама училась вместе с ними тому, что слышала и видела впервые. Мы часто беседовали с ней о музейных занятиях. Она была довольна ими потому что видела, как изменились дети. Из шумных, вихрастых, неуёмных

Рыжикова Т.В. ведёт занятие по теме:
"Говорят предметы прошлого".
Фото 1982 г.

Учащиеся 8 А кл. ср. школы № 1 у Музея А.С. Пушкина,
классный руководитель Гусева Л.К. - крайняя слева.
Фото 1980 г.

Занятия "На фронте с Пушкиным" в залах музея проводит ср. школа № 1 (завуч по воспитательной работе Павлова Н.А. - третья справа от выступающего).
Фото 1985 г.

Фрагмент занятия "В гостинице Пожарских".
Слева направо: Дима Лебедев, Олег Кочетков, Андрей Головнин.
Фото 1983 г.

какими они пришли к нам впервые, они превратились в спокойных, аккуратных, интеллигентных мальчиков и девочек, которые не уставали удивляться нескончаемому волшебству, которое дарил им мир музейных предметов. Они гордились тем, что причастны к этому миру и в какой-то мере считали музей своим домом.

Эти занятия обогатили и меня как музейного работника. Я не только проводила занятия, но и выезжала в Москву, в Министерство культуры на совещания по вопросу развития системы музейного всеобуча, обязательно выступала с рассказами об этих занятиях, привозила рисунки, отзывы, анкеты, сочинения. Этого требовало наше содружество с Еленой Гавриловной. Наш музей был первым в России, согласившимся разрабатывать систему музейного всеобуча на материалах своей экспозиции.

Там, в Москве, на Берсеневской набережной, я познакомилась с увлечёнными, интереснейшими музейными работниками из Иванова, Ново-Зыбкова, Смоленска, Владимира. Особенно мне запомнилась Ольга Николаевна Кокшайская, талантливейший методист Государственного исторического музея, которая очень благосклонно отнеслась к нашим делам в Торжке, приезжала к нам, оказывала методическую и практическую помощь в работе с детьми. К сожалению, Ольги Николаевны уже нет на свете.

После нас музейный всеобуч приняли столичные и областные музеи. У них богаче возможности для такой работы, может быть, они работают ярче, талантливее, но мы были первыми.

"...Видеть, чувствовать и понимать..."

За время моей работы в музее я успела сделать ещё два выпуска музейного всеобуча с классами Нины Алексеевны Павловой и Светланы Ивановны Туркиной всё из той же средней школы №1. Принцип занятий был один и тот же, но темы избирались другие. Это зависело и от нашего мастерства, и от особенностей класса, и от подбора предметов и документов.

Дети Нины Алексеевны Павловой были так привязаны к своему классному руководителю, что если она была занята, то они не приходили в музей на занятия со мной. Нине Алексеевне пришлось продолжить эту работу самой, и она довела её до 11 класса, чему я очень рада и чем горжусь, так как ув-лекла этим благородным делом теперь уже свою единомышленницу.

Отличным от двух первых оказался выпуск Светланы Ивановны Туркиной. Взяв руководство в пятом классе, она с первых дней учебного года просила меня начать занятия с её детьми. Надо сознаться, что я совершенно не собиралась продолжать всеобуч, так как была уже на пенсии, не принуждала и своих сотрудниц. Но Светлана Ивановна уговорила меня. В результате получился удивительный выпуск юношей и девушек, увлечённых русской культурой, историей, искусством, влюблённых в поэзию вообще и, конечно же, в творческое наследие Пушкина. Произведения поэтов они не только читали и любили, но и мыслили, волновались, внутренне преображаясь при этом. На материалах занятий с классом, где Светлана Ивановна вела уроки русского языка и литературы, ею была выполнена и защищена курсовая работа при повышении квалификации.

Интересные результаты были в работе с детьми других школ и у сотрудниц музея. Нужно отдать им должное. Они

также вели переписку с Е.Г. Вансловой, консультировались у неё по всем неясным вопросам. Занятия были подготовлены добротно. Рисунки, анкеты, отзывы, сочинения отправлялись в Москву. Темы некоторых разработанных ими занятий были востребованы в моих классах. Так, например, занятие по дворянскому быту "В гостях у М.С. Олениной" и по крестьянскому быту "Во всех ты, душенька, нарядах хороша" провела Людмила Васильевна Тулинова, а по дорожному быту "Остановка в гостинице Пожарских" и по повести Пушкина "Дубровский" - Лариса Николаевна Светличная.

Я помню учителей начальных классов, которые вместе со своими питомцами постигали тонкости музейного всеобуча. Нина Александровна Рыбакова, учительница начальных классов средней школы №3, предоставила свой класс в распоряжение Л.В. Тулиновой, а Л.Н. Светличная занималась с классом Тамары Алексеевны Юхно, в котором училась её дочь Аня. В настоящее время Людмила Васильевна и Лариса Николаевна ведут работу с детьми средних школ №1 (учитель Римма Владимировна Смирнова) и №6 (учитель Тамара Алексеевна Петрова).

Теперь мы никуда не отправляем результаты своих занятий. Все они - в архиве нашего музея. А в наших сердцах и нашей памяти - восторженные глаза ребят, не устающих восхищаться волшебством, которое дарят им предметы старины при каждой новой встрече.

"Мама, я горжусь, что ты работаешь в музее", - так говорили сын Людмилы Васильевны и дочь Ларисы Николаевны, когда их мамы занимались с ними.

Мне же Л.К. Гусева рассказывала об откровениях её ребят. Света Козлова тоже ходила к нам очень мило и своеобразно проявила своё радостное чувство к тому, о чём рассказывал им старый дом на Ямской. Живя недалеко от музея, она приходила к нему и уходила, пробежав вокруг него несколько раз как вокруг своего родного дома.

А Андрей Головнин, который с увлечением участвовал в занятиях, не понимал удивление матери: - "Что ты всё ходишь в этот музей, что ты в нем нашёл?"

Какое значение эти занятия имели для нас и для наших воспитанников! Об этом много писали и в центральной печати, и в наших газетах. Об этом можно прочесть в нашем сборнике "Пушкин и Торжок". Учителя и директора школ, с классами которых мы занимались, говорили нам о том, что эти дети отличались от других внешним видом, культурой поведения, культурой речи, они охотно отправлялись во всевозможные поездки в другие города, посещали музеи, картинные галереи. В обращении с людьми были очень приветливы.

Одна из учениц первого выпуска музейного всеобуча из класса Л.К. Гусевой окончила заочно исторический факультет Тверского государственного университета. Все курсовые и дипломную работы она написала на материалах нашего музея. Не знаю, как называлась её дипломная работа, которую она защитила на "отлично", но видела, что она пользовалась материалами, которые относились к теме "Пушкин и Оленины", литературно-художественному салону Олениных в Петербурге. Видимо она рассказывала об истории русской культуры на рубеже XVIII и XIX веков. Таня Ковалышина, это о ней идёт речь, хорошо знала содержание нашего фонда, умело в нём ориентировалась. И не случайно. В своё время музейному делу они учились с удовольствием: читали поступившие в музей статьи, письма и т.д., расписывали их содержание на каталожные карточки по алфавиту и тематическим картотекам, а материалы - в папки, в которые обязательно вкладывался реестр поступивших материалов. Мне приятно было видеть и сознавать, что наша библиотека давала возможность разрабатывать различные на

Учащиеся 11 класса средней школы № 1 на встрече с поэтессой Л.К. Пономарёвой. Кл. руководитель - С.И. Туркина. Фото 2004 г.

Учащиеся 11 класса средней школы № 1 на поэтическом вечере в музее. Кл. руководитель С.И. Туркина. Стихи Л. Пономарёвой читает Светлана Куликова. Фото 2004 г.

учные темы. Как тут с благодарностью не вспомнить Л.В. Тимофеева! Он помог составить такой интересный отдел в фонде наших музейных поступлений, которыми можно смело воспользоваться.

Ещё одной серьёзной работой, которая была создана на базе музейного всеобуча, была дипломная работа Л.В. Тулиновой. Она окончила исторический факультет Калининского государственного университета. В основе её лежало содержание занятий по войне 1812 года и занятий по воспитанию у детей исторического сознания. Прямым откликом на эти занятия были сочинения ребят. Анализ работ учащихся был сделан ею по-деловому, научно. Её дипломная работа называлась так: "Патриотическое воспитание школьников на краеведческом материале средствами музея А.С. Пушкина". Вот что я писала по этому поводу А.А. Смирнову в далёком 1982 году: *"Особенно была радостна нам Людина "пятёрка". Вчера я говорила по телефону с научным руководителем Людиной дипломной работы. Свежесть, необычность темы отметил председатель комиссии Владимир Аронович Дунаевский. Для него большой интерес представляла работа Люды и в связи с предстоящей датой (в литературном музее - о войне 1812 года), и с практической стороны - она у нас живёт и действует.*

Мне известно, что на материалах занятий с детьми, которые вели научные сотрудники не только в Торжке, но и в музеях Иванова, Смоленска, Ново-Зыбкова, Владимира и других городов, одна из научных сотрудников отдела музееведения при Министерстве культуры РСФСР защитила кандидатскую диссертацию.

Чтобы закончить воспоминания об этой самой фундаментальной работе с молодым поколением, нужно сказать, что занятия проводились нами не ради занятий, чтобы потом отчитаться об их количестве и разнообразной тематике. Мы видели, как менялись наши "студенты" от ощущения причастности к тому, что истинно прекрасно и духовно. Их наставники становились не только нашими знакомыми, но и единомышленниками. Мы учились сами. Это отражалось на всех видах музейной деятельности.

"...Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз..."

Были и другие виды научно-просветительской работы музея: конференции, лекции, беседы, устные журналы - всё то, что делают и другие учреждения культуры. Но наши, музейные, отличались от них тем, что при раскрытии темы в основе их всегда было что-то из реалий какого-то события или жизни человека. Эти документы, вещи слушатели всегда могли увидеть и понять, о чём шла речь - о том далёком времени, из которого в нашу жизнь пришёл тот или иной памятник.

Но самое главное отличие нашей работы в том, что она велась в атмосфере прошлого времени в доме, где теперь музей и который горожане с любовью и уважением называют "Домом Пушкина".

Конечно, я помню всё, что мы делали по строгому плану научно-просветительской работы Тверского государственного музея, но более всего мне хочется рассказать о том, как мы это делали.

На директоратах головного музея, которые в первые годы проводились ежеквартально, мы получили общие и конкретные указания по всем видам музейной деятельности. У каждого филиала были свои кураторы. Так, например, от отдела литературных экспозиций нами руководила Л.А. Казарская, а теперь - Лариса Евгеньевна Костюкович.

Главный хранитель А.А. Чариков, направлял нашу фондовую деятельность: сбор предметов музейного значения, первичное описание предметов, подготовка их к фондово-закупочной комиссии и так далее. Кто-то отвечал за нас и по поводу методической, научной, просветительской, хозяйственной работы: охрана, отопление, освещение, связь, строительство.

Приезжала я с директоратов, нагруженная всевозможными заботами выше всяких пределов. Нужно было успокоиться, разобраться во всём, определить очерёдность исполнения всех задач и только после этого выходить на совещание со своими сотрудниками. Усталость от потока посетителей была так велика (в залах музея их побывало более миллиона), что предлагать сотрудникам ещё какие-то дела-означало вызвать у них неудовольство, протест против нововведений. И я никогда не предлагала, не приказывала, не распределяла. Я исподволь заводила разговор о новых делах и заботах так, как будто бы всё шло не от головного музея, а диктовалось самой жизнью, необходимость их уже витала в воздухе, и обойтись без этого было просто нельзя, что это нужно было делать.

Когда я видела, что сотрудницы музея понимали необходимость их исполнения, я должна была определить готовность, интерес, склонность научного сотрудника к той или иной теме. Например, когда начинался музейный всеобуч, первой взяла класс Нины Николаевны Ширяевой из восьмилетней школы №2 Татьяна Евгеньевна. Она начала научную переписку с Е.Г. Вансловой. Конечно, её имя появилось печати, о ней знали и в нашем объединении, так как Татьяна Евгеньевна представила одно из занятий с детьми выездному семинару его научны сотрудников. Можно было остановит ся на этом. Результаты были, извест ность пришла. Но я понимала, чт нельзя допускать чувства второстепен ности у других сотрудниц. И он преодолели страх и робость перед не накомым делом, потому что я убедил их в том, что будет очень здорово, по вально, если они, то есть Лариса Ни колаевна и Людмила Васильевна начнут занятия с детьми в школах, г они учились или работали.

Интерес, возможности, желание на учных сотрудников я учитывала и пр распределении среди них тем бесед устных журналов, лекций и т.д. Для себ я взяла то, что требовало глубоког изучения эпохи Пушкина, обобщени изученного материала. Это государс венное устройство России времен Пушкина, а по теме музея то, что ра крывает черту характера поэта - страс к путешествиям. Так появились в наше фонде таблицы "Табель о рангах "Русская бюрократия на рубеже XVIII XIX веков", "Старшинство орденов "Родословное древо семьи Олениных "Путешествие Пушкина по дороге П тербург - Москва" и "Путешествия Пуш кина по дорогам России".

Если говорить о моём проникнов вении в литературную жизнь России, важной для меня была работа материалами о Н.И. Гнедиче и Ф.Н Глинке, которые я подготовила юбилейным датам этих литераторов

Представление о быте и нравах дв рянского сословия дали подготовле ные мною темы "Переписка А. Пушкина" (культура письма), "Круг чт ния барышни-дворянки" и другие. Э не освобождало меня от обобщающ работ по истории нашего музея: юбилеях музея, которые мы отмеча каждые пять лет, о библиотеке и архи музея, об истории установки первог

Тулинова Л.В. - ведущая вечера.

С учащимися 4 класса средней школы № 6 - кл. руководитель Т.А. Петрова и м.н.с. музея Л.Н. Светличная.
Фото 2004 г.

На представлении книги "Пушкин и Торжок" выступает учитель истории Михайловский А.Д.
Фото 19 декабря 2002 г.

памятника Пушкину в Торжке и мемориальных досок на здании музея.

Л.Н. Светличная защитила дипломную работу по сказкам Пушкина, написав сценарий и подготовив по нему детский праздник. Зная поэтическую натуру, я предложила ей тему "Бал пушкинской поры" или "Мы лучше поспешим на бал". С показом этой темы к ней пришла известность среди общественности и населения города. Ими были отмечены и внешние данные Ларисы Николаевны, её смелость в подаче материала и определённый шарм. Другие темы,предложенные ей мною и В.Ф. Кашковой, - "Уездной барышни альбом", "Дворянские библиотеки", "Прижизненные издания произведений А.С. Пушкина", "Е.А. Баратынский" и другие - раскрыли другие черты её таланта.

Ларисе Николаевне поручалось ведение встреч с поэтами.

Аккуратность, собранность, несуетливость, тщательность в построении литературной фразы, внимательность к предмету изучения до тонкой детализации характерны для Л.В. Тулиновой. Ей были предложены темы "Парки дворянских усадеб", "Между жарким и бланманже цимлянское несут уже" (как ели наши предки), "Жизнь в свете и дома", "Дорожный быт России" и другие. Людмила Васильевна - бессменная ведущая всех юбилейных вечеров музея.

Были темы, обязательные для всех: по войне 1812 года и по истории "старого дома на Ямской". Например, "Двенадцатый год в экспозиции музея", "П.А. Оленин и К.М. Полторацкий - участники войны 1812 года", "Военные династии Глинок", "Тверское народное ополчение" и "Александровская колонна", "Полководцы 1812 года" (М.И. Кутузов и М.Б. Барклай де Толли) и другие. С ними мы выходили к горожанам к юбилейным датам этого события.

Все мы проводили беседы о музейной профессии, Дни знаний, Дни памяти поэта и участвовали в устных журналах.

"...Музей объединяет людей для общения, связанного с их общим интересом - научным и художественным к Пушкину, поэзии, искусству..."

Тематика материалов, изученных нами для того, чтобы понять время Пушкина и яснее представить сцены русской жизни, подмеченные поэтом во время его путешествий и нашедшие отражение в его творчестве, широка и разнообразна. Большую помощь в ускорении сбора и изучения этого материала оказала нам Валентина Александровна Мельникова. Она, как и Юлия Ивановна Возненко (ныне покойная), москвичка. Обе служили под руководством А.А. Смирнова в Главном ракетно-артиллерийском управлении Министерства обороны в качестве референтов-переводчиков. Знали они по 9 иностранных языков. Обе были увлечены эпохой Пушкина и всем, что входило в это понятие. У каждой из них были богатейшие библиотеки и масса периодических изданий, репродукций, фотографий. Валентина Александровна не просто собирала материал, она изучала и систематизировала его. Она щедро делилась с нами. Так в наш фонд поступили уже составленные ею материалы на темы: "Е.П. Бакунина", "А.А. Оленина", "А.П. Керн", "Е.Н. Ушакова", "Н.Н. Пушкина". "Няня Пушкина", "Памятники Пушкину в России и мире", "Дорожный быт России и дорожные впечатления Пушкина" и другие. Она подарила нам альбом фотографий, полностью отображающих юбилейную выставку работ О.А. Кипренского, устроенную в Государственной Третьяковской галерее к 200-летию художника, а также не-

сколько сотен фотографий, с помощью которых мы составили фототеку "Иконография пушкинского окружения". Для нас она работала в музее коневодства, в Государственном музее Пушкина в Москве, во Всесоюзном музее Пушкина в Ленинграде, в результате чего мы получили в свой фонд "Почтовый дорожник", "Дорожные экипажи в произведениях изобразительного искусства", "Книгу о лошади" и многочисленные сведения для научных паспортов к портретам Пушкина и жанровым картинам нашей экспозиции.

Вместе с Юлией Ивановной и Валентиной Александровной мы посетили многие музеи Москвы, Подмосковья, Ленинграда и Ленинградской области: Мураново, "Домик станционного смотрителя", в Выре, "Домик няни" в Кобрине, музеи А.П. Чехова, А.А. Блока, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и многие другие.

А здесь, под Торжком, мы вместе побывали в Прямухине, Таложне, Красном, Никольском, Арпачёве, Митине. И на наши тверские, и на столичные памятники и музеи я смотрела их глазами. Они замечали такие детали, на которые мне даже в голову не приходило обратить внимание. Я всегда удивлялась тому, как они, не работая в учреждениях культуры, знают её лучше иных специалистов.

Нужно добавить, что Валентина Александровна прислала нам обширный материал по зарубежной Пушкиниане и по "серебряному веку". Она, как и А.А. Смирнов, подарила музею сотни книг, подбор которых просто уникален. Поистине удивительно, как многое интересовало Валентину Александровну. Конечно же, её бескорыстная помощь меня волновала и я спрашивала её о том, почему она всё это делает для нас.

Она ответила примерно так: "Эпоха Пушкина меня увлекла, интересны для меня люди, которые изучают её или знают её. Поэтому я делюсь с вами, работаю вместе с вами и для вас, то есть для вашего музея".

Мои знакомые стали хорошими зна комыми Валентины Александровны Это Т.А. Козырева, Е.В. Павлова - заве дующая отделом изобразительных ма териалов в фондах Государственного музея Пушкина, Н.И. Михайлова заместитель директора по науке того же музея, Е.Г. Ванслова, о которой я много в писала, и другие. Ещё она говорила, что наши вопросы и просьбы к ней ак тивизируют её жизнь, вносят в неё но вые заботы и разнообразия.

Чтобы закончить разговор об инте ресных друзьях нашего музея, привед ещё один пример того, как люди точны профессий искренне и тонко любят чувствуют русскую культуру, природу жизнь, как благородны они в свои поступках.

Елена Николаевна Егорова живёт в Дзержинске Московской области После окончания Московского института управления и защит кандидатской диссертации работает Центральном экономико-математи ческом институте Российской академи наук. Кроме публикаций, которые он посвятила истории, культуре и природ Подмосковья, для нас интересны был её книга "Я вас любил" (Пушкин в дом Олениных), её документальные очерки поэмы, а также статьи о потомках Оле ниных. Елена Николаевна фотографи ровала и снимала видеокамерой пуш кинские места России.

За короткое время знакомства мы получили и её статьи, и книги, фотографии, и фильмы о пушкински экспозициях Петербурга, Болдина Захарова, Торжка, Бернова. Ждём о неё ещё фильмов о музеях заповедник Михайловское. Тексты фильмо написаны и озвучены тоже ею. Елен Николаевна помогала нам материально. Она высылала нам сво книги для продажи. Деньги нам бы нужны для проведения юбилея Пуш кина весной 1999 г.

Творчество В.Ф. Кашковой - своеобразная энциклопедия по теме "Пушкин и Тверской край"

Была у меня, как, впрочем, у нас всех, счастливая возможность получать все виды помощи от Валентины Фёдоровны Кашковой, заслуженного учителя школы РСФСР, члена Союза писателей России, инициатора и организатора ежегодного Пушкинского праздника поэзии, почётной гражданки города Торжка. Её имя я уже не раз упоминала в своих записках. И не случайно, потому что её исследования биографии и творческого наследия А.С. Пушкина, особенно тверских страниц его жизни, были начаты ею задолго до создания музеев поэта на тверской земле. Уже в первых экспозициях нашего музея, как и в последующих, была помещена составленная ею таблица проездов Пушкина через Торжок и остановок его в гостинице Пожарских, которая является основной нитью в научном построении дорожной темы музея.

То же самое можно сказать о значении плана города Торжка конца XVIII - начала XIX веков, составленного профессором Московского архитектурного института Львом Васильевичем Андреевым, родившимся в Торжке и тоже почётным гражданином нашего города. Его план можно было увидеть в те годы в залах первой экспозиции "Пушкин и Торжок", а теперь - в буклете "Пушкин и Торжок", который был составлен им совместно с Валентиной Фёдоровной и вышел в свет одновременно с открытием музея А.С. Пушкина в 1972 году.

В библиотеке и архиве нашего музея хранятся все книги В.Ф. Кашковой о Пушкине и многочисленные статьи о нём, напечатанные в новоторжских газетах. Я горжусь тем, что в моей личной библиотеке есть все её книги с дарственными надписями.

Для музейных работников творчество В.Ф. Кашковой - своеобразная энциклопедия по теме "Пушкин и тверской край". В ней мы можем найти, пожалуй, всё, чтобы научно подойти к изучению мира музейных вещей и не только видеть их, но и понять, осмыслить, прочувствовать те или иные тверские мотивы в жизни поэта и его героев.

Мне нужны были советы Валентины Фёдоровны и при выборе тем в процессе разработки бесед, лекций, выступлений, занятий, с которыми мы представали перед жителями нашего города. Надо сознаться, что обращаться к Валентине Фёдоровне для меня было непросто. Робость и смущение одолевали меня при первых словах общения с нею. Речь моя становилась косной, невнятной - так велик был мой страх от сознания, как далека я от того, что она знает, умеет, от её устной и письменной речи, умной, ясной, тонкой, высокохудожественной. Мне кажется, что теперь никто не говорит и не пишет так, как Валентина Фёдоровна. Мне и моим сотрудницам она говорила: "Не бойтесь обращаться ко мне, я помогу вам в том, что знаю и умею".

Отношение её к нам было таким, какое мы заслуживали. Если мы оживлялись в работе, то она во всём нам помогала, давала оценку, освещала наши музейные дела на страницах "Новоторжского вестника". Если наступало затишье, то прямо говорила о безынициативности.

Самое важное, что она сделала для нас, - убедила написать книгу об истории музея к его тридцатилетию. Для меня это означало составить сборник, отобрать для этого разработки научных

сотрудников. Эти разработки были, причём в достаточном количестве, но ни одна их них, пожалуй, кроме работ Л.В. Тулиновой, не была готова к печати. Ряд статей, по существу, был написан заново. В основном это касалось моих статей и одной из статей Л.Н. Светличной (о Владимирском уланском полку). От А.А. Смирнова был получен дополнительный материал, Лариса Николаевна основательно переработала статью, которая заняла достойное место в сборнике и запомнилась читателям.

Запоминающимся событием в жизни музея был торжественный вечер к его тридцатилетию, который был проведён в городском Доме культуры по инициативе и по сценарию В.Ф. Кашковой.

Для нас очень важно, что московский писатель Валерий Фридрихович Писигин, с которым Валентину Фёдоровну связывает многолетнее знакомство, тепло и благосклонно относится к нам. В залах нашего музея проводились творческие встречи с ним, он дарит нам свои книги в таком количестве, что мы имеем возможность материально поддерживать музей, реализуя их посетителям. К юбилею музея мы получили от него дар, о каком и не мечтали, - музыкальный центр и кассеты с записью классических произведений.

Мне приятно было слышать от него слова в свой адрес как от человека и как от писателя. Приятно потому, что в короткий человеческий век мало кто торопится сказать друг другу хорошие и добрые слова, важнее которых нет ничего на свете. Очень жаль, что эти слова не были им написаны, а остались только в моей памяти.

"...Друзья мои, прекрасен наш союз!..."

С экскурсоводами Торжокского, Тверского, Московских, Петербургских бюро у меня сложились дружеские и творческие связи, мы обогащали друг друга интересующей нас информацией. Галина Письмен, Галина Яроцевич, Рэм Васильевич Перов, Николай Николаевич Гаазе, Вадим Старк, Николай Григорьевич Фёдоров - вот далеко не все из московских и петербургских экскурсоводов, которые доверяли нам своих экскурсантов и помогали нам.

С сотрудниками Центральной районной библиотеки у нас полное доверие и взаимопонимание. Мы дружны, мы равноправны, мы делаем общее дело, мы помогаем друг другу. Более всего мне пришлось контактировать с сотрудниками ЦРБ, когда её возглавляла Ольга Александровна Митина.

Такими же глубокими и интересными мы пытались сделать свои совместные мероприятия с сотрудниками Детской музыкальной школы и Дома школьника.

Скрипачка Галина Вениаминовна Колюшева и пианистка Лариса Ивановна Лобанова подбирали для наших вечеров музыку, помогавшую прочувствовать пушкинскую эпоху. Чаще всего с ними работали мои сотрудницы Л.Н. Светличная и Л.В. Тулинова.

С моей стороны была попытка как-то сблизиться с коллективом Всероссийского историко-этнографического музея. Как только его директором был назначен Андрей Борисович Михайлов, я пригласила его к себе в музей и сказала примерно следующее: "Андрей Борисович, я так рада, что в Торжке создаётся такой музей, который придаст ещё более широкую известность нашему городу. Не оставляйте его, как бы ни было трудно. Бросить музей - это всё равно, что бросить ребёнка". Возможно, Андрей Борисович не помнит нашей беседы, но я помню её и всегда желаю ему только твёрдости и мужества, пото-

Выступление Кашковой В.Ф. на пушкинских чтениях.
Фото 1999 г.

Выступление Кашковой В.Ф. на презентации
сборника"Пушкин и Торжок"
Фото 2002 г.

Кашкова В.Ф. на юбилее зав. музеем Горох Т.В.
Фото 1995 г.

что дело наше очень тяжёлое.

Пожелав ему доброго начала, я сама пыталась хоть как-то помочь музею и побывала с Ниной Аркадьевной Лопатиной в доме 110 на Пролетарской улице, где жила учительница-пенсионерка, от которой ВИЭМ получил ряд предметов. Отдала я в ВИЭМ и дорожные вещи из дома этой учительницы, которые мы получили раньше. Архив Покровской единоверческой церкви, сохранившийся в семье священника И.А. Страхова, я передала в ВИЭМ. В разное время Тамаре Алексеевне Михайловой, Татьяне Павловне Большаковой были переданы мною копии воспоминаний М.П. Гортынской, послужные списки П.А. Оленина и К.М. Полторацкого, а также собранные материалы о Владимирском уланском полку.

Мне захотелось показать сотрудникам ВИЭМ наши внутренние наработки, занятия, откровенно поговорить за чайным столом. ВИЭМ мне был нужен. В техническом оснащении мы ему уступаем. И подготовка его сотрудников гораздо выше. Если у меня работали просто девочки, у которых сначала не было никакого опыта, то в ВИЭМ были приглашены музейщики, краеведы, историки, защитившие дипломы на архивных изысканиях о городе Торжке, и настоящие библиотекари, имеющие понятие о систематизации и учёте материалов. Пётр Дмитриевич Малыгин и Алексей Маратович Салимов имели учёные степени кандидатов наук. Высокая подготовка в университетах была у Ирины Владимировны Чичкиной, Тамары Алексеевны Михайловой, Олега Валерьевича Петрова, Татьяны Яковлевны Морозовой и других.

Научная работа сотрудников сразу получила верное направление: комплектование фондов, учёт, каталогизация предметов и книг, создание экспозиций, издание буклетов, книг, проведение краеведческих чтений и т.д.

Я отдаю должное уму, таланту, самостоятельности в научных исследованиях Нины Аркадьевны Лопатиной, Ирины Александровны Бочкарёвой.

Мне греют душу такие сотрудницы ВИЭМ, как Наталья Ивановна Хайрулина, Тамара Алексеевна Михайлова, Ольга Васильевна Лобанова, Татьяна Филипповна Семёнова и Юрий -Николаевич Лосев. Они помогли мне и поддержали меня вот в чём.

Рекламные щиты и пять альбомов, отражающие историю пушкинских праздников в Торжке, - это высокохудожественный труд Ю.Н. Лосева. Вместе с Т.Ф. Семёновой они выстроили логические связи в собранной мной за многие годы информации по теме музея, оформив таблицы и родословные росписи, а также изготовили компьютерный вариант работы на тему: "Библиографический обзор литературы и научных работ о путешествиях А.С. Пушкина".

О.В. Лобановой прочитан дневник М.С. Олениной за 1873 год и переписка её с родственниками и знакомыми, письма переведены с французского языка.

Т.А. Михайлова поделилась с нами своими находками в архивах по поводу имений новоторжских дворян, отдала в наш архив найденную ею переписку Марии Сергеевны Олениной, а в наших материалах, которые мы дали ей для ознакомления, она объяснила неизвестные нам имена новоторжских дворян и названия имений.

Видеть на наших музейных мероприятиях их внимательные и доброжелательные глаза - означало получить от них духовную поддержку и понимание.

"...Мне больше запомнились..."

Если говорить об отношении к музею нашей городской администрации, то из всех представителей властей города (партийных, советских, а теперь городской мэрии) мне запомнились те, у которых не было имиджа отстранённости от нижестоящих.

В далёкие семидесятые годы двадцатого века было принято считать очень ответственными те группы, которые приводили в музей "отцы города". Был звонок в музей, что в такое-то время Г.С. Кобылин прибудет с важными гостями. Мои девочки сразу отказались вести такую ответственную группу. И хотя я только начинала водить экскурсии, мне пришлось идти к гостям. Кассир должна была меня вызвать, как только прибудут гости города. Подъехала машина с важными интеллигентными мужчинами, я вышла к ним, не позволила им брать билеты, чем удивила их, и почти в полуобморочном состоянии, но очень старательно повела их по залам музея. Когда мы подходили к третьему залу, я увидела, что в экспозицию вбежала кассир Мария Егоровна и с испугом воскликнула: "Геннадий Семёнович и гости прибыли!" Ситуация была так смешна, что я, забыв о том, что передо мной теперь предстала действительно "страшная" группа, рассмеялась, боязнь куда-то ушла, и я очень спокойно, раскрепощенно, весело провела гостей города и, как мне потом рассказала А.Н. Мурашова, "просто покорила Геннадия Семёновича". Вот так состоялся мой дебют пред первым секретарём горкома КПСС.

Татьяна Ивановна Рыбкина заведовала отделом культуры Администрации г. Торжка. Это не чиновник, а обаятельный, добрый, красивый человек, с которым так легко было работать и советоваться. Когда она приходила в музей или звонила нам, как, впрочем, и в другие городские учреждения культуры, всегда говорила: "Я знаю, что должны делать вы, а я? Чем могу вам помочь?" И советовала, и помогала. Я любила Татьяну Ивановну.

К тридцатилетию музея и к моим дням рождения я получала поздравления от главы города Нины Алексеевны Пушкиной. Я думала, что глава города только подписывает готовые тексты поздравлений, и поэтому поблагодарила за очень искренние и проникновенные строки поздравлений Светлану Нгуен, Т.А. Ветошко, но они обе сказали, что поздравления были написаны самой Ниной Алексеевной.

Нину Алексеевну я вспоминаю с благодарностью ещё с тех пор, когда она была исполнительным директором Торжокского машиностроительного завода. Он материально помогал музею, неоднократно выделяя определённые суммы денег . Будучи мэром города, Нина Алексеевна выделила средства на издание нашего юбилейного сборника и написала статью к нему, что для нас очень важно.

"...Об этом успела доложить Юрию Михайловичу при его жизни..."

Когда мои записки близились к концу, случилось страшное - мы осиротели. В автокатастрофе погиб генеральный директор нашего объединения музеев Юрий Михайлович Бошняк. Мы были одними из тех, кто видел его в последний

Рыбкина Т.И. на 60-летии Т.В. Горох.
Фото 1995 г.

Вручение почетной грамоты в связи с 30-летием Музея А.С. Пушкина.
Слева направо: глава г. Торжка Н.А. Пушкина и зав. музеем Т.В. Горох.
3 июня 2002 г.. Фото Лаврова В.Н.

Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина.
Слева направо: поэты Грибулина В. (Тверь), Мчедлишвили Т. (Торжок),
Рысенков В. (Торжок), зав. музеем А.С. Пушкина Горох Т.В.,
писатель Писигин, жительница города Головицкая М.А.
Фото 2002 г.

Возложение цветов к памятнику А.С. Пушкина.
На первом плане: Горох Т.А., Рысенков В.Н.
Фото 2002 г.

день жизни. Это произошло в субботу, 30 октября, в день моего рождения. Из Твери нам позвонила Ольга Григорьевна Зимина, научный сотрудник отдела литературных экспозиций, и сказала, чтобы все мы были на месте, так как приедет Юрий Михайлович. "По поводу кадровой расстановки сотрудников?" - спросила я. - "Да", - ответила Ольга Григорьевна.

В субботу, примерно в 11 часов, я была в кинозале музея, когда вошла Л.Н. Светличная вместе с Ю.М. Бошняком. Он сказал: "Мне больше никто не нужен, так как вы обе здесь. Я не знал, Таисия Владимировна, что у Вас день рождения, но должен сказать неприятное. Три года я раздумывал о смене заведующей и решил так: в течение полутора недель в музее пройдёт сверка фондов, после которой Вы сдадите музей Светличной". Я ответила: "Неприятного тут ничего нет, всё идёт естественным ходом, я рада, что это наконец решилось, всё определилось. Лариса Николаевна давно должна была принять музей, и я писала заявление об уходе, но были, как мне известно, ходатайства со стороны администрации нашего города и отдела литературных экспозиций о том, чтобы заведование моё продолжилось". - "Никто на меня не давил, решение всегда принимал я сам", - ответил он.

Мы вышли из кинозала в вестибюль, где и увидели друга Юрия Михайловича, Киселёва, бывшего председателя Тверского горисполкома или облисполкома, и жену Юрия Михайловича Татьяну Владимировну - юную, цветущую, красивую, видимо, от постоянного проявления любви и заботы со стороны мужа. Она улыбалась. Я сказала, глядя на неё: "Юрий Михайлович, так празднично счастливой может быть только женщина, которой безмерно рады". Мы предлагали им остаться, но он сказал, что заехал к нам по пути в Василёво, где у него была назначена встреча, кажется, с председателем колхоза Ивановым, затем простился, поцеловав руки мне и Ларисе Николаевне. И ушёл навсегда.

После его отъезда сотрудники музея заметили, что Юрий Михайлович был в этот день не таким, как прежде: ясным, понятным, громогласным, шутливым, а каким-то отстранённым от всего. Казалось, что он говорит и делает то, что нужно, но это его не касается.

Помню, как Юрий Михайлович приехал к нам в Торжок впервые, когда он готовился принять объединение музеев. Мы предложили ему посмотреть экспозицию, но он ответил, что музей ему хорошо знаком ещё по тем временам, когда он был начальником Академии в Твери. "Не думаю, - сказал он, - что в нём что-то изменилось". Голос его был звучным, чистым, речь - ясной, умной.

Во время своего правления объединением музеев Тверской области Юрий Михайлович отдавал предпочтение музею Пушкина в селе Бернове, не делал это тайной и говорил об этом даже тогда, когда бывал в Торжке на юбилеях нашего музея. Но обиды или ревнивых чувств по этому поводу у меня не было. Музей Пушкина в Бернове и его коллектив достойны не только его любви, но и любви всеобщей. Я и мои коллеги воспринимали его как свой родной музей, только находящийся в другом месте. Бывать там для нас всегда было праздником. Поездки устраивал Юрий Михайлович. Единственное, что меня огорчало, - это то, что, привыкнув чувствовать свой музей неотделимым от музея в Бернове, как бывало во времена правления И.М. Бружеставицкого, я узнавала, что были интересные поездки заведующей музеем Пушкина в Бернове в Крым, в Петербург, но мне их не предлагали. Обидно и то, что все музеи Пушкина в России ко дню его 200-летия получили возможность материально укрепить свою хозяйственную и научную деятельность, а мы не получили такой возможности ни к 200-летию поэта, ни к 30-летию музея. Такова была воля и возможности Юрия Михайловича, об этом он сказал сам.

Нельзя было растворяться в обидах, нужно было жить. И мир не без добрых людей. Начальником службы безопасности объединения музеев стал Юрий Александрович Мамин. Познакомившись со мной, он сказал: "В вашем городе расположена база железнодорожных войск. Она находится в подчинении моего друга - генерала Евгения Викторовича Корнишина, который живёт в Москве. Скажите, что вам нужно, и его приказом привлечём командира железнодорожной части в Торжке для оказания помощи музею".

Евгений Викторович во время своего отпуска приезжал в Торжок. Я рассказала ему о бедственном положении, в котором оказался музей. И за короткое время, то есть за два месяца, пристройку, в которой располагается санузел, стало не узнать. Мы получили туалетные комнаты - белоснежные, с современным оборудованием. Евгений Викторович приказал, а командир части в Торжке Владимир Григорьевич Товстоног составил смету, отобрал в магазинах необходимый материал, доставил его в музей и выделил двух служащих части - Сергея Захарова и Сергея Кузьмина, которые и исполнили эту работу. Строительные материалы были оплачены бухгалтерией головного музея.

Туалетные комнаты, которые сияли чистотой и свежестью, потребовали, чтобы смежный с ними вестибюль им соответствовал, а из вестибюля начинается коридор в экспозицию музея, который тоже не должен был отличаться от отремонтированных помещений. Вот так в последний год моего "царствования" своими силами были приведены в надлежащий вид все помещения, кроме экспозиционных залов. Затем служащими той же части была покрашена крыша музея, отремонтированы забор и отопительная система. Об этом я успела доложить Юрию Михайловичу при его жизни.

Помню, как уходили на пенсию заведующие других филиалов. Юрий Михайлович оставлял их в музее настолько, насколько считал нужным, чаще всего и на день не задерживал. Мне же дал возможность продолжать своё дело в течение 15 лет. И я работала, не давая себе послабления, не ссылаясь на возраст, на болезни, на смерть мужа и матери.

Приятно получать в свой адрес хорошие и добрые слова, но меня это никогда не успокаивало. Я принимала их как аванс к тому, что такой надо быть, что хорошим и добрым словам, высоким оценкам надо соответствовать, а значит учиться, изменяться, совершенствоваться, расти и вести всех за собой.

Такой же действенной силой для меня были и горькие слова. Например, зная о неверии в меня как будущего руководителя филиала, я сделала всё, чтобы стать им. "Мой" музей входит в пятёрку самых сильных филиалов объединения. Всего их в объединении 33.

Часто мне хотелось рассказать Людмиле Арсеньевне о наших задумках, о наших делах, о новых темах, а она говорила "Не тем занимаетесь!" - "А чем?" - спрашивала я. - "Надо изучать дорогу Пушкина от Торжка до Малинников", - советовала она. Я понимала, что это надо знать. Но как? В те далёкие счастливые годы, когда мы задыхались от потока посетителей, если бы мы и могли выехать в Тверь для работы в архивах и если бы даже что-то нашли в них, то не смогли бы осмыслить содержание документов без знания эпохи, в которую этот документ появился на свет. Тогда мы ещё серьёзно не задумывались над тем, что такое родословное древо того или иного дворянского рода, почему оно должно подтверждаться в каждом витке нового поколения семьи, что означало "ввестись в наследство", что означало понятие "владелец имения", как может быть продано или заложено имение, как это отражалось в "ревизских сказках" и так далее. Мы не знали о том, что в течение самого непродолжительного времени одно и то же имение или его часть могли стать принадлежностью

Генеральный директор ТГОМ Бошняк Ю.М. на юбилее Горох Т.В.
Фото 1995 г.

Генеральный директор ТГОМ Бошняк Юрий Михайлович на дружеской встрече в Музее А.С. Пушкина в Бернове.
Фото 2001 г.

Фотография на память.
Слева направо: Петров Олег Валерьевич - экскурсовод, Светличная Лариса Николаевна, Горох Таисия Владимировна - зав. музеем, Захаров С. - служащий СА, Кузьмин С. - служащий СА, Мещерякова Екатерина Дмитриевна - муз. смотритель.
Фото Назаровой В.Н., 2003 г.

разных владельцев. Этих владельцев мы должны были знать на время проездов Пушкина по тверским дорогам.

Вот теперь, когда нам стали ясны законы жизни дворянского сословия, ясна эпоха и биография поэта, можно изучать и эти частности. Нужно только желание и оплата билета в Тверь. Но из-за безденежья мы можем ездить в Тверь только за зарплатой и на единственный в году директорат.

Вот так шла я своей дорогой, учась хозяйствовать, вести Дом Пушкина, завязывать нужные знакомства. И если даже среди этих людей были нетерпимые друг к другу, я удерживала их, не склонялась ни на чью сторону, так как знания, труд этих людей во благо имени Пушкина всегда были живительной силой в развитии музея. Одной мне было бы не справиться с этой задачей. У меня был сильный круг единомышленников, которые говорили мне так: "Не стесняйтесь задавать вопросы и объясняйте цели и задачи задуманной вами работы, тогда и помощь наша будет более действенной".

То, чему мы научились в музее, было показано широкой аудитории на ежегодных Пушкинских чтениях, на страницах газет и журналов, на выездных заседаниях учёных советов, методических совещаниях и т.д. Более всего мне нравилось представление таблицы о путешествиях Пушкина по России, исполненной с помощью линий, цвета и цифр. Она даёт возможность увидеть и сиюминутно ответить на вопрос, где, когда и насколько задержалась жизнь великого русского поэта в том или ином месте России, с точностью до одного дня. Задумали и исполнили мы её вместе с москвичкой В.А. Мельниковой.

Очень благодарна я Татьяне Владимировне Черных, заместителю генерального директора музейного объединения, за то, что она организовала выездное заседание научно-методического совета головного музея в Торжке для ознакомления с библиотекой и архивом музея, а также с информационно-справочным аппаратом к ним.

Для нашего филиала этот фонд информации - гордость, так как он даёт необходимое научное обеспечение ныне действующей экспозиции. Спасибо ей и за добрые слова о нас, ветеранах музейного дела. С удовольствием нахожу своё имя среди имён таких известных музейных работников, как И.М. Бружеставицкий, А.Н. Александрова, Л.А. Казарская, Г.Г. Монахова, Р.Н. Кудрявцева, которых она упомянула во вступительной статье первого номера газеты "Вестник ТГОМ" за 2004 год.

"...И во всём, что есть в музее, присутствует большая доля или маленькая долька участия каждого работника музея..."

Свои записки я начинала с рассказа о тех технических работниках, которые разделили со мной тяготы необустроенного хозяйства музея. Они - важное звено в деятельности музея. С особенной теплотой и благодарностью вспоминаю тех, кто не только отлично исполнял свои обязанности, но и ничем не огорчил своих товарищей - это уже ушедшие из жизни Ольга Ивановна Логинова, Тамара Дмитриевна Коршунова, Анна Алексеевна Кириллова. Их красивые лица я вижу теперь на фотографиях, укреплённых на памятниках в

местах их вечного упокоения.

В данное время Любовь Михайловна Караваева, Екатерина Дмитриевна Мещерякова и Надежда Михайловна Рубцова содержат музей в такой чистоте и таком порядке, что посетители, как правило, обращают на это внимание, а у нас, научных сотрудников, от такого уюта - хорошее настроение на весь рабочий день.

Своей деятельностью в музее запомнились экскурсоводы: Татьяна Евгеньевна Рыжикова (кстати, Татьяна Евгеньевна вернулась в музей и возглавляет его) , Любовь Юрьевна Иванова, Елена Георгиевна Кальсина, Серафима Анатольевна Садикова, Русакова Гелена Викторовна. Некоторые из них начали заочное обучение в вузах, работая в музее. По разным причинам они оставили его. Но и вне музея их имена известны. Любовь Юрьевна - учитель истории, заслуженный учитель школы РСФСР, а Елена Георгиевна трудится в музее "Оружейная палата" в Москве. Они не забывают нас, с лю-бовью вспоминают прежние музейные дела и заботы.

Из проверенных временем на любовь и преданность музейному делу и имени Пушкина надо назвать Людмилу Васильевну Тулинову (работает в музее с 1974 года) и Ларису Николаевну Светличную (с 1980 года). Длительный срок в жизни музея, одна и та же экспозиция, один и тот же коллектив - это очень сложное испытание для сотрудников, которые знают друг о друге всё: и достоинства, и слабые стороны. Они привыкли друг к другу, устали друг от друга. Здесь, как в семье, как в супружеской паре, нужны изменения, свежесть, новизна поступков, решений в исполнении своих обязанностей и в отношении друг другу, всегда новый виток в жизнедеятельности музея. Дай им Бог красивых свершений, достойных имени Пушкина.

Для меня как руководителя было самым важным и трудным сделать из музейных работников сплочённый коллектив единомышленников. В музей приходили как на лёгкую работу молодые девушки и пожилые женщины, поколения отцов и детей, из которых "дети" ещё не знали, чего они хотят и что из них получится, а "отцы" - состоявшиеся люди, как правило, уже потерявшие здоровье и расстроившие нервную систему, капризные, подозрительные.

Если у представителей старшего поколения было здоровье и силы, то они показывали образцы отношения к делу. И мы привыкли к тому, что пожилые люди как бы добросовестнее, ответственнее молодых. Но вот две молодые сотрудницы, Марина Николаевна Захарова и Лидия Николаевна Сергеева, разрушили этот стереотип. Обе они закончили Торжокское педагогическое училище, в музей пришли работать смотрителями, но затем друг за другом оказались в роли кассиров-гардеробщиков. До них в этой должности работали пенсионерки, бывшие главные бухгалтеры, просто бухгалтеры, начальники цехов, которые кроме приёма денег и составления финансовых отчётов ничего не делали. Марина и Лида делают всё: ведут журналы заказов и приёма групп, продают билеты и сувенирную продукцию, составляют авансовые, месячные и годовые отчёты, приветливо принимают посетителей и выполняют всевозможные поручения заведующей. Марина Захарова теперь у нас не работает, а Лидия Николаевна трудится, согревая нас всех своей добротой, приветливостью, исполнительностью и бесконечной человеческой щедростью.

В процессе работы над записками я читала отрывки из них своим сотрудницам. Одна из них сказала мне: "Таисия Владимировна, у Вас слишком много "я". Я бы написала записки по-другому". Я согласна с тем, что их можно написать по-другому, но относительно "я" с ней не согласна. Мои воспоминания - это воспоминания заведующей, которая по своей должности в ответе за всё. И там, где я была за что-то ответственна, от своего имени и говорила.

Сотрудники музея у входа в музей.
Первый ряд слева направо: Беляева Н.М., Тулинова Л.В., Виноградова З.А., Светличная Л.Н.. Второй ряд: Игнатьев Е.М., Горох Т.В., Русакова Г.В.

Сотрудники музея в Оленинском зале.
Слева направо: Светличная Л.Н., Мещерякова Е.Д., Горох Т.В., Салмыксова Т.Г., Тулинова Л.В., Караваева Л.М.

Фотография на память в день 70-летнего юбилея Т.В. Горох.
Слева направо: Большакова Т.П., Матвеев В.Б.,
Горох Т.В., Лобанова О.В., Бочкарёва И.А.

После встречи в музее с поэтессой Пономарёвой Л.К.
Слева направо: Пономарёва Л.К., Горох Т.В., Постникова С.П.
Фото Назаровой В.Н.
2004 г.

"...Лишь они могли оценить..."

Начинала я со слов благодарности судьбе за то, что она занесла меня в мир Пушкинианы. И это так. Пусть я не постигла вершин и глубин этого понятия, пусть коснулась только его окраин, но они так важны и интересны для меня: Торжок, не утративший облик города пушкинской поры, бывшая Ямская улица и "старый дом" на ней не только помнят частые проезды Пушкина через наш город, но и приводят всех влюблённых в творческое наследие поэта в музей, ему посвящённый. А в музее документы и вещи, так или иначе связанные с жизнью поэта и его героев. Всё это вместе с памятниками XVIII и XIX веков, украшающими наш город, создаёт удивительную атмосферу. В ней живёшь и чувствуешь себя как-то иначе, интерес к имени поэта не угасает, требует постоянного внимания и изучения.

О том, как это делалось, я уже рассказывала. Музей - наш университет, в котором мы учимся по сей день, углубляя свои знания о времени Пушкина, его биографии и творчестве, обогащая научную базу экспозиции и стараясь высоко держать планку деятельности научно-просветительского учреждения, посвящённого имени величайшего человека.

С помощью всевозможных статей, бесед, лекций, экскурсий, выступлений по радио, телевидению, в печати научные сотрудники пытаются довести до посетителей музея творческий рассказ Пушкина о жизни России во всём её многообразии - о России, которую он знал, любил, видел и изучал во время своих многочисленных путешествий, России, которая помогала ему находить темы и художественные образы.

В книгах отзывов музея, а их более десяти солидных томов, можно найти благодарные записи в адрес создателей неповторимой по теме пушкинской экспозиции и в адрес экскурсоводов, где отмечены их мастерство, любовь и трепетное отношение к наследию поэта.

Есть благодарности и в мой адрес помимо книг отзывов. Это благодарственные письма, грамоты, дипломы и правительственные награды. Но самыми дорогими для меня являются поздравления моих коллег по музею, сотрудников отдела литературных экспозиций, а также слова И.М. Бружестовицкого, которые он написал обо мне в своих "Воспоминаниях бывшего директора". Почему именно их? Потому что только им известны своеобразие условий нашей деятельности, трудности и сложности, которые, как правило, сопровождают повседневную жизнь руководителя музея. Лишь они могли оценить то, как я справлялась с ними, отдалённая от создателя музея, методического отдела головного музея и научных пушкинских центров Москвы и Ленинграда.

Посылая мне главу "Пушкинское кольцо", Израиль Моисеевич признался: *"...Я писал её откровенно, не скрывая собственных ошибок и несправедливого поначалу отношения к Вам лично. Ещё раз приношу за это извинения и заверяю Вас, что я высоко оцениваю Вас и Ваш вклад в сохранение и развитие музея Пушкина в Торжке".*

Из "Воспоминаний бывшего директора":

"По рекомендации горкома я принял с 06.09.1976 г. на должность заведующей торжокским музеем Таисию Владимировну Горох, которая до сих пор пребывает на этом посту, будучи уже пенсионеркой. По образованию географ, она, жена кадрового военного, большую часть жизни не работала по специальности. До музея она заведовала детским сектором железнодорожного клуба им. Парижской коммуны и пользовалась здесь авторитетом. Естественно, в начальный период Т.В. Горох не была ни музейщицей, ни

знатоком Пушкина, не обладала и опытом хозяйственника. Но она отнеслась к своим обязанностям исключительно добросовестно. Таисия Владимировна буквально вгрызалась в науку, энергично занималась хозяйственными делами и добивалась поддержки у городских властей. Вскоре она компетентно и эмоционально вела экскурсии по музею, не уступая более опытным сотрудникам. На мой тогдашний вкус она оказалась мне чересчур нервной, возбудимой. Она очень ранима, а я недооценивал этого свойства её натуры и был суховат с нею, временами холоден, с трудом подавлял внутреннее раздражение, которое вызывала во мне её нервозность и мнительность. Известно, что нервозность одного собеседника пробуждает адекватную реакцию у окружающих. Но я как руководитель не имел, разумеется, права на раздражение. Я старался сдерживаться, но допускаю, что моё недовольство просматривалось иногда и, в свою очередь, усиливало мнительность и нервозность Таисии Владимировны.

Т.В. Горох и Т.Е. Рыжикова деятельно участвовали в подготовке и оформлении экспозиции 1979 года.

Татьяна Евгеньевна написала путеводитель по музею, вышедший из печати в 1982 и 1988 годах. Обе они при помощи других сотрудниц организовали замечательное дело - работу в музее с детьми, начиная с дошколят. Их опыт описан в изданиях НИИ культуры Е.Г. Вансловой, которая курировала их работу.

Т.В. Горох - постоянно в поиске. Она самостоятельно ведёт научные исследования, обогащая наши знания об эпохе, о Пушкине, о Торжке. Таисия Владимировна - пример беззаветной преданности музею, отдаёт ему все свои силы и душу. Я благодарен ей за её многолетний труд и сожалею, что не сразу оценил её по достоинству и невольно доставил ей немало горьких минут".

В день 60-летия я получила от него телеграмму: *"Дорогая Таисия Владимировна! Горячо поздравляю Вас с круглой юбилейной датой! Ваша страстная преданность музею Пушкина, неустанный поиск, стремление поддерживать музей на высоком уровне, приветливость к посетителям, требовательность в сочетании с чуткостью к членам небольшого коллектива питают его энтузиазм, а Вам лично принесли заслуженный авторитет в городе и у музейщиков области. Сердечно желаю Вам многолетия, крепкого здоровья, счастья, успехов в любимом деле. С благодарностью и уважением Бружеставицкий".*

Сотрудники отдела литературных экспозиций посвятили мне такие строки:

"Желаем сохранить неизъяснимый
сердца жар,
Одушевлённый труд и слёзы вдохновенья,
Благословляем Ваш природный дар
Всё забывать в минуты упоенья..."

Мне также памятны строки Л.Н. Светличной, которой я передала музей 25 ноября 2004 года:

"Нам у Вас поучиться б терпенью
И умению счастье ценить,
Чтобы в каждом обычном мгновенье
Что-то чудное находить".

Август-декабрь 2004 г.

Бывший зам. генерального директора ТГОМ по научной работе Снегирёв Валерий Валентинович на юбилее зав. Музеем А.С. Пушкина в г. Торжке Горох Таисии Владимировны в 2005 г.

Горох Таисия Владимировна проводит экскурсию для руководителей Ассоциации музеев России. Фото 1999 г.

Слева направо: Мурашова А.Н. - зав. отделом пропаганды ГК КПСС,
Казарская Л.А. - зав. литературным отделом ТГОМ,
Бружеставицкий И.М. - генеральный директор ТГОМ,
Поволяев В. - писатель, журналист (Москва),
Кашкова В.Ф. - преподаватель педучилища.
Фото 1980 г.

Рада счастливой возможности поместить письмо, которое написал Израиль Моисеевич Бружеставицкий, ознакомившись с моими "Записками".

Уверена, что все те, кто знал и любил Израиля Моисеевича, получат удовольствие от своеобразной встречи с ним, познакомившись с, возможно, последним автографом в его жизни.

Тверь, 20.06.2005 г.

Дорогая Таисия Владимировна!

16 июня мне Т.В. Черных прислала накопившиеся для меня издания, в том числе Ваши „Записки..." (Л.А. Казарская хотела привезти лично раньше, но я не стал её беспокоить). Ваши „Записки" я прочитал тем же вечером, одним махом, не отрываясь.

Первое и главное впечатление - удивление тем, как много сделали Вы на посту заведующей Торжокским музеем А.С. Пушкина, особенно после моего ухода с должности генер. директора объединённого музея, как Вы выросли за эти годы, стали настоящим музейщиком, широко образованным человеком, знатоком Пушкина, его творчества, его эпохи, и - не последнее по значению - истинной хозяйкой музея, хорошим организатором. Вы познакомились с интересными людьми, привлекли их к заботам музея.

И я порадовался, что в свое время я сделал правильный выбор, согласившись с рекомендацией Торжокского горкома КПСС и назначив Вас заведующей Музеем А.С. Пушкина. Вам казалось, что Вас встретили в музее неласково. Но ведь это естественно. Нового руководителя даже небольшой организации всегда встречают с опаской. Увольнялась М.А. Кромина, работавшая в музее с первого дня, накопившая опыт музейщика и административных дел. На её место пришла незнакомка, о которой мы, в первую очередь я - директор, почти ничего не знали как о личности, имевшая образование не гуманитарное, без малейшего навыка административно-хозяйственной работы. Риск был!

И не только Ваша, но и моя удача, что Вы за короткий срок проявили недюжинные способности, энергично взялись за дело и оправдали оказанное Вам доверие. И Ю.М. Бошняк 18 лет считал Вас одной из лучших заведующих филиалами.

Вы имеете полное право и основание гордиться своей

(см. на обороте)

жизнью, своей деятельностью в музее.

Я пользуюсь случаем, чтобы еще раз поблагодарить Вас за беззаветную преданность музею, за Ваш благородный и плодотворный труд на протяжении почти трех десятилетий.

Благодарю Вас и за добрые слова в мой адрес в Ваших Записках.

Низкий поклон Вам и искренние пожелания доброго здоровья, многих лет жизни и продолжения работы в музее.

С глубоким уважением

Ц. Бружеставицкий

Извините за нескладный почерк. Увы, испытываю трудности с правой рукой.

СОДЕРЖАНИЕ

"...Вот с этим я и пришла в Музей А.С. Пушкина..."....2

"...Я смеюсь над творческими трудностями, плачу
от трудностей организационно-хозяйственных..."....7

"...Но оказалось, что самое трудное - принимать в музее людей..."....10

"...Именно так, как рассказ о странствиях поэта, замышлен музей в Торжке..."....12

"...Находка нового автографа, нового документа о Пушкине, открытие
нового музея - всё делается тотчас же общественным событием..."....14

"...Гораздо больше мне нравился рисунок О. Кипренского, где
изображён совсем юный, почти мальчик в бескозырке и
накинутом плаще, сын прадеда - Пётр Алексеевич Оленин..."....16

"...Но эти руководители запомнились мне как интересные люди..."....18

"...Бери свой быстрый карандаш, рисуй, Орловский, ночь и сечу..."
(Изучение изобразительных материалов музея)....19

"...Моя библиотека растёт и теснится..."
(Создание библиотеки и научного архива музея)....21

"...Ребята младших классов - посетитель умный, тонкий и благодарный..."....25

"...Видеть, чувствовать и понимать..."....29

"...Вот он, приют гостеприимный..."....32

"...Музей объединяет людей для общения, связанного с их общим
интересом, научным и художественным, к Пушкину, поэзии, искусству..."....33

"Творчество В.Ф. Кашковой - своеобразная энциклопедия
по теме "Пушкин и Тверской край"....35

"...Друзья мои, прекрасен наш союз!..."....37

"...Мне больше запомнились..."....38

"...Об этом успела доложить Юрию Михайловичу при его жизни..."....39

"...И во всём, что есть в музее, присутствует большая доля или
маленькая долька участия каждого работника музея..."....42

"...Лишь они могли оценить..."....43

Кр 79
Г 70

Записки заведующей Музеем А.С. Пушкина в г. Торжке